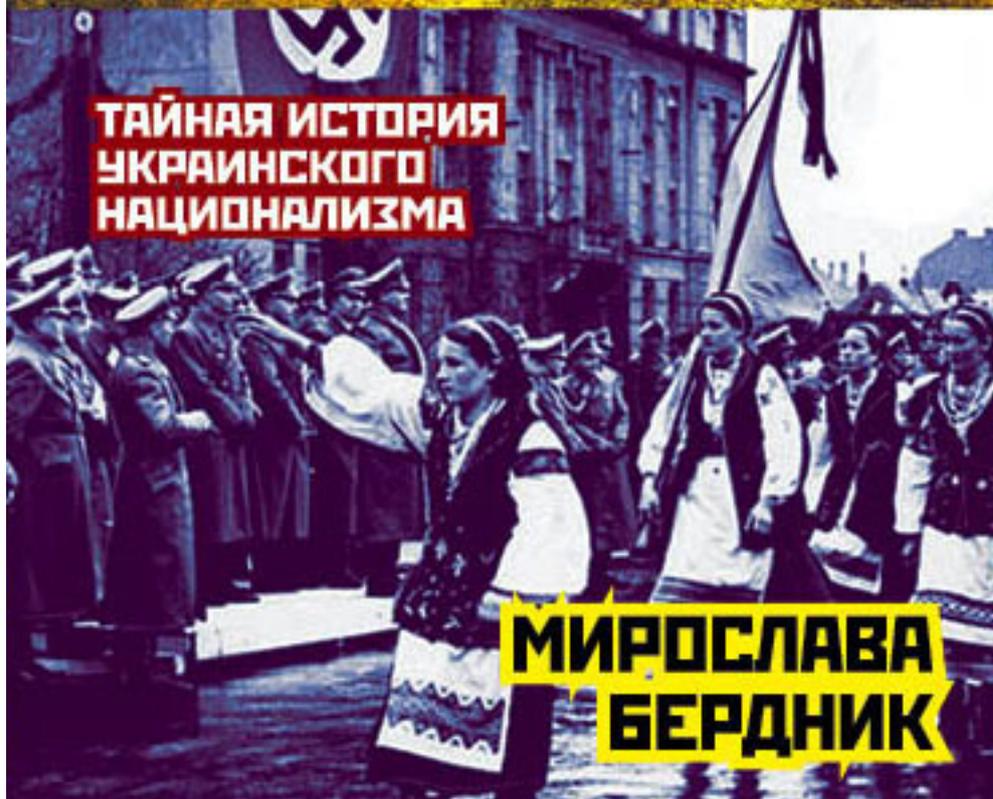

БИТВА ЗА УКРАИНУ

**ПЕШКИ
В ЧУЖОЙ ИГРЕ**

**ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
УКРАИНСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА**

**МИРОСЛАВА
БЕРДНИК**

Мирослава Бердник
Пешки в чужой игре. Тайная
история украинского национализма
Серия «Битва за Украину»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9069183
Бердник Мирослава. Пешки в чужой игре. Тайная история украинского национализма:
«Издательство Алгоритм»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0834-5

Аннотация

Автор этой книги – известный публицист Мирослава Бердник. Дочь известного украинского писателя и правозащитника, узника советских тюрем Олеса (Александра) Бердника, Мирослава – классический представитель украинской интеллигенции, которую к числу «засланців Кремля» не могут отнести даже зоологические националисты. Тем убийственнее для них звучит правда из ее уст – пример подлинного патриотизма и любви к своему Отечеству, в отличие от псевдопатриотов, возомнивших себя «учителями нации».

Мирослава проливает яркий свет на истоки украинского национализма (исключительно галицийского фактора), открывая подлинное обличье этого явления – лицо измены.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Антираоссийские хроники 1900–1917 гг	8
Суть геополитики Запада: расчленить Россию!	8
Спонсоры «украинского дела»	11
Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции	12
СВУ и ГУР взывают к «общественному мнению Европы»	13
«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции	15
Пропаганда в начале Первой мировой	17
Тайные дела Парвуса	18
Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»	20
Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор	21
«Защита прав малых народов»	23
Карьера аристократа-монаха	24
Глава 2. Что такое Центральная Рада	33
«Батько Грушевський» – «засдрісний, нечесний дідок»	35
Первый универсал: «Не одділяючись від всієї Росії...»	37
Второй универсал: «Проти замірів самовільного здійснення автономії України...»	40
«Товарищи дезертиры! Все на митинг!»	43
Октябрьская революция. Украина в свободном режиме	45
Спецслужбы и агенты влияния в Киеве	48
Правительство украинских большевиков	49
Армии московских интервентов: «Легенда, що її треба здати до архіву»	51
Миф о «героях Крут»	53
Генерал Гофман: «Украина – это дело моих рук»	56
Император Вильгельм: «Я согласен на избрание гетмана»	61
Шесть недель Директории	64
«Злука» была. Государство не состоялось	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Бердник Мирослава
Пешки в чужой игре. Тайная
история украинского национализма

© Бердник М. А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Предисловие

С приходом Виктора Ющенко к власти в 2004 году из политического маргинеса попали в большую политику и представители националистических партий, поддержавшие его на выборах. Именно они определяют сейчас политику Украины. Польский журналист Марианн Калуски в статье «Поговорим об Украине откровенно» («Tygodnik Powszechny», Польша) подчеркнул: «К власти в Киеве пришли настоящие украинские националисты, к числу которых принадлежит и сам Ющенко... При этом необходимо помнить, что это примитивный и чрезвычайно агрессивный национализм XIX века. Этого национализма справедливо опасаются все проживающие на Украине национальные меньшинства».

Сегодня кровавого палача Романа Шухевича посмертно награждают званием Героя Украины, во многих городах Украины массово устанавливают памятные знаки и памятники Петлюре, Бандере, Шухевичу, головорезам из дивизии СС «Галиция». Полки книжных магазинов гнутся под тяжестью книг идеологов интегрального национализма и их современных последователей. Президенту Ющенко подаются предложения – привлекать к уголовной ответственности тех, кто хочет опорочить деятельность «героев национально-освободительной борьбы».

Емко сказал в своем романе-антиутопии «1984» английский писатель Джордж Оруэлл: «Кто контролирует прошлое, контролирует будущее; кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Находящиеся при власти в Украине оранжевые совершают то, что в теории информационных войн называется «подменой истории», создавая «украиноцентрический образ мира».

В этой книге сделана попытка дать ретроспективу исторических процессов, которые происходили в Европе в конце XIX – середине XX века, и проследить их связь с сегодняшними событиями в Украине. Как ни печально это осознавать, но история украинского националистического движения – это, главным образом, история обслуживания чужих геополитических интересов. Симон Петлюра в начале XX века писал: *«Надо найти... среди влиятельных международных сил такие, которых можно было бы заинтересовать идеей украинской государственности и которые имели бы реальную пользу от этого для себя – то ли политическую, то ли материальную»*. Ему вторил основатель интегрального украинского национализма Дмитрий Донцов: *«Серед усіх імперіалізмів можемо прислужуватися такому, котрий може бути нам корисний»*.

В начале XXI века, после «оранжевой революции», президент Ющенко нашел империализм, которому «можемо прислужуватися». Он подписал с американским президентом «Повестку нового века для украино-американского стратегического партнерства», обязываясь верой и правдой продвигать по миру американские национальные интересы. А ющенковский министр иностранных дел Борис Тарасюк объявил Украину «страной-контрибутором в укреплении демократии». Вот его слова: *«Можно просто закрывать глаза на нарушения прав и свобод человека, прятаться за скорлупу совковых представлений о демократии, а можно занять активную позицию в международных организациях. Именно так в последнее время поступает Украина, присоединившись к кругу демократических стран, обративших внимание на несоответствие международным стандартам, несоблюдение международных обязательств некоторыми странами, в частности Кубой и Беларусью. Необходимо уже отойти от политики двойных стандартов: не только создавать демократию у себя дома, но и не стоять в стороне от вопросов демократии в мире»*.

Сто лет назад, в начале XX века, происходило жесткое противоборство главных геополитических «игроков» Европы. Западные стратеги рассматривали Украину, как тот самый рычаг, «плечо силы», с помощью которого можно было бы развалить Российскую империю.

По сути, эту же позицию почти век спустя занял американский геополитик Збигнев Бжезинский. *«Украина, новое и важное государство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским государством...».*

Автор самого понятия «геополитика», Рудольф Челлен, в 1915 году в работе «Политические проблемы мировой войны» утверждал: *«Мы имеем... все основания причислить украинский вопрос к одним из главных мотивов мировой войны».* Челлен начертил «культурную границу», отделяющую Запад от «дикого» Востока по Дону. Он горячо поддержал проект профессора Эдуарда фон Гартмана по разрушению России путем создания такого рубежа...

Британский ученый и автор плана «Новая Европа» Р. Сетон-Уотсон также был убежден, что именно «украинский вопрос» – одна из главных причин Первой мировой. Ещё в предвоенные месяцы 1914 года Сетон-Уотсон встречался во Львове с М. Грушевским, А. Шептицким, К. Левицким, С. Бараном и другими националистическими деятелями. В основанном им совместно с Т. Масариком в октябре 1914 года журнале «Новая Европа» Сетон-Уотсон пытается убедить политических лидеров, что создание независимых Украины, Польши, Литвы и других государств соответствовало бы долгосрочным интересам Европы.

Сегодня по поводу и без повода вспоминают знаменитого геополитика Х. Д. Макиндера и его формулировку контроля над миром: *«Кто господствует в Восточной Европе, тот управляет Срединной землей (центральной частью Европы – М. Б.). Кто господствует в Срединной земле, тот управляет Мировым островом (Евразией – М. Б.). Кто господствует на Мировом острове, тот управляет миром».* Логика борьбы за мировую гегемонию, вещал Макиндер, делает столкновение интересов России и Германии фатально неизбежным. Правда, его пугал не столько предполагаемый конфликт двух этих государств, сколько их возможный союз. Поэтому он предлагал политическое переустройство Восточной Европы по образцу Западной – таким образом, чтобы основой ее существования стала система самостоятельных национальных держав, «широкий клин независимости от Адриатического и Черного морей до Балтийского». Контроль над этими государственными образованиями, а также над всеми процессами вокруг «Срединной земли» должен был быть возложен на Лигу Наций.

Уже во время гражданской войны в России и интервенции Макиндер по поручению британского министра иностранных дел Д. Керзона посещал Одессу и Новороссийск с полномочиями верховного комиссара, безрезультатно пытаясь уговорить Деникина признать де-факто образовавшиеся республики. В своем рапорте правительству Макиндер предложил создать в Восточной Европе «альянс пограничных государств с Украиной включительно», а также доказывал целесообразность основания широкой восточноевропейской антирусской и антибольшевистской коалиции. Макиндер, как и сегодня наследники его идей, утверждал: *«Я не могу представить мира между Россией и миром. Все равно, станет ли будущим России анархия или тирания, или рабство у немцев; ни один из этих вариантов не может обеспечить сегодня сосуществование с демократией в мире».* План Макиндера был отклонен благодаря военному министру Уинстону Черчиллю.

Весьма значительную роль в начале XX века сыграл проект, выдвинутый рядом немецких ученых и политиков – «Mitteleuropa» («Срединная Европа»). Впервые термин Mitteleuropa начал употреблять в 40-е годы XIX века немецкий экономист Фридрих Лист. Он писал о «среднеевропейской экономической общности», заявляя о необходимости немецкой экспансии.

Отношения России с Германией стали ухудшаться, что всегда поощрялось Англией и всегда приводило к несчастью в Европе. Австро-германский союз 1879 года стал роковой вехой, началом оформления коалиций, которые в дальнейшем и столкнулись в Первой мировой войне.

Но вернемся к судьбе Украины. Ватикан также не отказывался от своей вековой мечты – сначала духовного, а затем и физического овладения нашей землей. Ведь сразу после Брестской унии папа Урбан VIII взывал к галицийским русинам: «О мои рутены! Через вас надеюсь вернуть Восток». А Богдан Хмельницкий в своей речи на Переяславской Раде сказал, что Бог освободил Малую Русь от врагов, желающих *«искоренити Церковь Божию, дабы и имя Русское не поминалось в земле нашей»*.

Посмотрим на события, происходившие в конце XIX века, глазами униатского священника и писателя Ивана Рудовича. *«В начале 1888 года, – писал он, – война России с Австрией казалась неминуемой... Бывший немецкий посол в Петербурге, железный канцлер Бисмарк лучше всех оценил украинский вопрос: чтобы удержать равновесие и мир в Европе, необходимо создать независимую Украину. Отрыв Украины был бы наиболее тяжелой ампутацией для России. Папа Лев XIII быстро сориентировался в запутанной мировой политике... Униатские планы папы привели его к еще большей заботе о нашей греко-католической церкви... В 1888 году папа поднял вопрос о создании украинского греко-католического патриархата во Львове и поручил конгрегации по пропаганде веры разработать план этого нововведения»*. Более того, Ватикан начал поиски наиболее достойного кандидата на патриарший престол, такого, который смог бы достойно выполнить начерченную Ватиканом программу действий на русском Востоке. Такой кандидатурой оказался молодой Роман Шептицкий, которого все знают под именем владыки Андрея Шептицкого.

Эта книга рассказывает об украинском национализме и его борьбе с Россией, начиная от истоков движения в начале XX века; о создании УВО, затем ОУН под сенью немецкой разведки; о военной коллаборации, о послевоенной необъявленной войне на Западной Украине в ожидании Третьей мировой – и других деяниях «национально свидомых» вплоть до дня сегодняшнего.

Глава 1. Антироссийские хроники 1900–1917 гг

Суть геополитики Запада: расчленить Россию!

С образованием Двойственного союза между Германией и Австро-Венгрией в 1879 году и заключением между ними секретного военного соглашения, направленного против России и Франции, правящие круги этих стран вплотную занялись «украинским вопросом».

На страницах газет широко развернулась антироссийская кампания. В январе 1888 года в немецком журнале «Гегенварт» была опубликована статья протее канцлера Бисмарка, немецкого философа Эдуарда фон Гартмана, в которой автор указывал на растущую опасность России для Европы.

Галицкая газета «Дело» откликнулась на публикацию Гартмана статьей под названием «Философ Гартман о России». В ней говорилось: «Главное стремление Гартмана – доказать, что Россию для безопасности остальной Европы необходимо обязательно разделить».

А делить Россию Гартман предлагал следующим образом: *«Надо Финляндию отдать Швеции, Бессарабию Румынии; Эстония, Ливония, Курляндия, Литва и Жмудь создали бы самостоятельное королевство Балтийское, разумеется, под контролем немецким; а на просторах меж Прутом и Днепром встало б отдельное королевство Киевское. Швеция и новое королевство Балтийское получили бы гарантию своей независимости от Германии, а королевство Киевское и Румыния – от Австрии. Войска этих держав стали бы на случай войны под начальство Германии и Австрии».*

На проект Гартмана резко отозвался Иван Франко на страницах львовского журнала «Правда», в статье «Політичний огляд»: *«Боже мой, вот честь, вот радость для ягнят, что волк ими интересуется! Мне кажется, что этот интерес Бисмарка и его креатур должен бы нас скорее понимать стыдом, как лучшее свидетельство нашего бессилия. Кто нами интересуется в Европе, тот делает это только с оглядкой на Россию и на то, как строятся его отношения с Россией. Нужно России пригрозить – бух! являются на сцену русины, выплывает киевское княжество... Почему же Бисмарк не пытается таким же образом интересоваться ирландцами, валлийцами, провансальцами или южно-африканскими бурами? Очевидно потому, что это все не мертвые, элементарные племена, из которых можно без их воли и разрешения выпиливать, что кому захочется... Подпрыгивайте, ягнята! Господин волк изволит интересоваться вашим мясом!..»* Иван Франко вряд ли симпатизировал Российской империи, зато прекрасно понимал, что западные государства разыгрывают украинскую карту в своих интересах.

В последующие 25 лет, до начала Первой мировой войны, эта идея Гартмана тщательно обсуждалась немецкими политическими деятелями.

Так, немецкий профессор Самасса в своей рецензии на книгу Геция «Русслянд» писал, что наилучшим средством ослабления России считает образование славянских государств на ее территории. Ему хотелось бы видеть, кроме независимой Финляндии, польское государство и «украинское королевство»; великороссов же он предлагал отеснить в пределы Азии.

Примечательно, что сам Бисмарк был последовательным и решительным противником войны с Россией. Сам он намеревался лишь в большей степени связать политику России с интересами Германии. В то время, когда в журналах обсуждался проект расчленения России, а в военных и дипломатических кругах – возможность войны, Бисмарк писал в секретном письме германскому послу в Вене от 3 мая 1888 года: *«Об этом позволительно было бы спорить, если бы такая война могла привести к тому, что Россия, как выразился граф Кальноки, была бы «разрушена». Но такого рода результат даже после самых блестящих*

побед лежит вне всякого вероятия. Самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая основывается на миллионах собственно русских православного вероисповедания. Они, даже если их разделить международными договорами, тут же быстро опять соединятся, как частицы разрезанного кусочка ртуты. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей... останется после своего поражения нашим природным и нуждающимся в реванше противником...»

Увы, Бисмарк не смог направить русскую политику в нужное ему русло. Наоборот, он достиг результатов, прямо противоположных тем, к которым стремился. Практически, Бисмарк толкнул Россию к сближению с Францией, а затем с Англией, что привело впоследствии к образованию Антанты. Так в Европе сложились два противостоящих военно-политических блока. Отныне власти Германии и Австро-Венгрии рассматривали Россию как вероятного противника в случае будущей войны – и, естественно, уделяли внимание всему, что могло содействовать ослаблению России, в том числе – развитию украинского сепаратизма в Российской империи.

Такому вниманию к украинскому вопросу Германии и Австро-Венгрии способствовала их экономическая заинтересованность. Украина в начале XX века была одним из наиболее динамично развивающихся регионов России; на ее территории находилась значительная часть имперского экономического потенциала.

Мысли о неизбежности войны Германии с Россией распространялись прежде всего прибалтийскими немцами-имигрантами, прибывавшими в Германию с 70-80-х годов XIX века. Немецкие публицисты и политики балтийского происхождения изображали прибалтийские провинции России, как «германскую вахту на границе славянства», как «крайние форпосты германского народа» в «старой борьбе между славянством и германством». Исходившей из России «угрозе германской культуре», по их мнению, следовало противодействовать путем превентивной войны, которую они рассматривали, как решающий момент борьбы между высокой и отсталой культурами.

Эти идеи встречали понимание в правящих кругах Германии, поскольку давали обоснование их замыслам. Так, еще в 1887 году Бернхард фон Бюлов, первый секретарь германского посольства в Петербурге, писал советнику ведомства иностранных дел Гольштейну: *«Мы должны пустить русскому при случае столько крови, чтобы тот не почувствовал облегчения, а 25 лет был не в состоянии стоять на ногах. Нам следовало бы надолго перекрыть экономические ресурсы России путем опустошения ее черноземных губерний, бомбардировки ее приморских городов, возможно большим разрушением ее промышленности и ее торговли. Наконец, мы должны были бы оттеснить Россию от тех двух морей, Балтийского и Черного, на которых основывается ее положение в мире. Однако я могу себе представить Россию действительно и надолго ослабленной только после отторжения тех частей ее территории, которые расположены западнее линии Онежская губа – Валдайская возвышенность – Днепр...»*

В 1906 году, уже в статусе канцлера, Бернхард фон Бюлов заявил, что *«Россию можно низвести до уровня второстепенной державы лишь в случае ее социального разложения либо в случае утраты ею Украины».*

Политика Германии в отношении Востока Европы накануне Первой мировой войны формировалась тремя политическими силами, в той или иной мере влиявшими на правительство.

Первая сила, состоявшая из националистических партий «Пангерманская Лига» и «Партия Отечества», мечтала о разгроме России и переносе ее границ далеко на Восток. Украинское сепаратистское движение она рассматривала в качестве инструмента, с помо-

щью которого можно было бы ослабить Россию. В своих планах пангерманисты предусматривали колонизацию Галиции и Черноморского побережья.

Вторая влиятельная группа немецких политиков и журналистов выступала за «независимость нерусских народов Российской империи». Украину эта группа считала ее главным форпостом в Восточной Европе против экспансии России на Запад. Наиболее ярким ее представителем и идеологом был Пауль Рорбах, автор известной работы «Нероссийские народы России и мы». Рорбах сравнивал Россию с апельсином и мечтал о *«расчленении русского колосса на свои естественные исторические и этнографические составные части»*. К ним он относил Финляндию, Прибалтику, Польшу, Бессарабию, Украину, Кавказ, Туркестан (Среднюю Азию), «Московию» и Сибирь. Он считал, что расчленение можно проделать сравнительно безболезненно и что *«именно так будет легко покончить с огромным русским государством»*. Канцлер и МИД Германии, разделяя позицию Рорбаха, считали возможным поддержать сепаратистские движения в России. Украину, Прибалтику и Кавказ они видели будущими буферными государствами. Символично, что политтехнологи, готовившие события конца 2004 года, назвали украинскую «революцию» апельсиновой. . .

Забегая вперед, отметим, что сразу после подписания в 1918 году Брестского договора немецкий посол в Киеве фон Мумм просил командировать в Украину Рорбаха как известного сторонника «украинской идеи». Такой шаг считали более эффективным, чем непосредственное давление на украинское правительство через посольство или военные круги. Немцы рассчитывали, что Рорбах повлияет на ориентацию украинских политиков, поскольку, как определил фон Мумм, Центральная Рада *«своими коммунистическими экспериментами усугубляет хаос во вред нашим интересам»*.

Наконец, третья группа, возглавлявшаяся профессором Отто Гершем, предлагала развивать политический курс Бисмарка на поддержку добрососедских отношений с Россией. Она исходила из того, что Россия должна оставаться неделимым государством.

Политическое руководство Германии лавировало между тремя этими центрами влияния. Но вся германская правящая верхушка – кайзер, начальник генерального штаба Мольтке, рейхсканцлер Бетман-Гольвег, руководители имперских ведомств – была воодушевлена идеей «окончательной борьбы» между славянами и германцами. Имперское руководство стремилось добиться долгосрочного ослабления Российского государства посредством отторжения его западных пограничных территорий. В «сентябрьской программе» Бетмана-Гольвега говорилось о том, что *«Россия по возможности должны быть оттеснена от германской границы, а ее господство над нерусскими вассальными народами сломлено»*. Подтверждая осуществлявшуюся правящими кругами Германии на Востоке «политику освобождения и создания буферных государств», 5 апреля 1916 года рейхсканцлер Бетман-Гольвег заявил: *«Германия никогда добровольно не передаст вновь под власть реакционной России освобожденные ею и ее союзниками народы, расположенные между Балтийским морем и волынскими болотами, будь то поляки, литовцы, балты или латыши»*. Эта «восточная» политика нашла свое осуществление в мирных договорах 1918 года, подписанных в Брест-Литовске и в Бухаресте. Финляндия, Курляндия, Литва, Польша, Украина и значительные территории в Закавказье были отторгнуты от России.

Уже в ходе Первой мировой войны, в 1915 году, партия «Пангерманская Лига» выдвинула «программу сверханнексий». Президиум Лиги назвал в числе «военных целей» Германии захват Польши, Литвы, Белоруссии, Прибалтики и Украины для расселения немецких крестьян. Обязательным условием аннексий являлось очищение их от людей, т. к. «Германии нужны свободные территории». 20 июля 1915 года в Берлине был принят «меморандум профессоров», подписанный 1347 участниками съезда в Доме искусств. Он «научно» обосновал все эти грабительские требования.

Спонсоры «украинского дела»

Одним из тех, кто после Версальского мира занимался разработкой планов будущего России, был виднейший идеолог нацизма, выходец из прибалтийских немцев Альфред Розенберг. Впоследствии именно он, знавший русский язык как родной, возглавил с июля 1941 года имперское министерство по делам оккупированных восточных областей.

Накануне зреющей мировой войны силы, заинтересованные в будущем расчленении Российской империи, стали вкладывать немалые суммы в «украинское дело». Так, Германия крупные средства тратила на поддержку украинских изданий и организаций антироссийской направленности. В 1910 году бывший германский агент во Львове Раковский предал гласности факты поддержки ряда украинских изданий и организаций немцами. По его данным, из секретных немецких фондов финансировались журнал «Ukrainische Rundschau», «Ukrainische Revue», газета «Діло», «Львівське Наукове Товариство Шевченка», Украинский Студенческий Союз, Львовская украинская читальня и т. д. Деньги шли через советника германского посольства в Вене Дитриха фон Бетман-Гольвега, двоюродного брата рейхсканцлера Германии. В 1912 году варшавская газета «Slowo» писала, что германское консульство в Львове *«занимается преимущественно украинскими делами в России. На украинские дела в Австрии Берлин, помимо непосредственных сношений со своими украинскими клевретами, влияет путем дипломатического давления на австрийское правительство».*

При германском верховном командовании был создан «отдел по освобождению» во главе с графом Богданом Гуттен-Чапски. Он и координировал деятельность организованных при помощи Германии сепаратистских движений.

Австро-Венгрия также проявляла немалый интерес к «украинскому вопросу». Венские политики при благоприятном стечении обстоятельств надеялись присоединить к Галичине Надднепрянскую Украину. В Австро-Венгрии главными покровителями украинского сепаратизма были и наследный принц Франц-Фердинанд, и военное министерство. В 1910 году, согласно оперативным данным спецслужб России, в замке Франца-Фердинанда Конопийште состоялось тайное совещание, на котором присутствовали сам эрцгерцог и деятели сепаратистского движения как Галиции, так и Надднепрянщины.

В 1912 году 200 ведущих членов трех украинских партий (национал-демократы, социал-демократы и радикалы) собрались на тайное совещание, которое приняло заявление о лояльности правительству Австро-Венгерской Империи и о поддержке его в грядущей войне с Россией. 15 декабря того же года съезд Украинского студенческого союза Галиции принял решение об организации обучения молодежи военному делу.

Накануне войны по призыву галицких радикалов была учреждена «боевая управа», которая провозгласила создание Легиона украинских сечевых стрельцов. Во главе управы встали К. Трильовский и Т. Рожанковский. Чаще всего туда рекрутировали молодежь, обученную в подразделениях «Пласта», – организации, созданной офицерами австро-венгерской армии Романом Сушко, Петром Франко и Иваном Чмолой.

Из-за противодействия польских кругов в Вене австрийский штаб разрешил формирование части лишь из 2500 человек, хотя изъявили желание 28 тысяч добровольцев.

Сформированный Легион УСС приветствовал глава украинских униатов Андрей Шептицкий: *«Дорогие мои, в очень важное время ведется война между нашим цесарем и московским царем, – война, справедливая с нашей стороны. Московский царь не мог перенести, что в Австрийской державе мы, украинцы, имеем свободу вероисповедания и политическую волю. Он хочет забрать у нас эту свободу, заковать нас в кандалы. Будьте верны цесарю до последней капли крови».*

Подавление «москвофильства» среди русинов Галиции

Накануне войны Первой мировой войны правительство Австро-Венгрии начало проводить политику подавления симпатий к России среди русинов Галиции и Буковины. Широко применялись репрессивные меры. Власти закрывали русские училища и пансионы, православные храмы и часовни, запрещали православные богослужения, конфисковывали русские ученические библиотеки, запрещали отдельные, а то и все русские организации, как, например, на Буковине в 1910 году.

7 февраля 1912 года наместник Галиции Михаил Бобржинский тайным циркуляром поручил старостам *«составить и через восемь дней прислать списки находящихся в уезде русских – как «умеренных» старорусинов, так и русофилов-радикалов»*, а также списки их предводителей с адресами, указанием общественного положения и т. д. Вскоре после этого начались аресты.

В конце марта 1912 г. были арестованы журналист С. Бендасюк, студент и организатор русинских народных читален В. Колдра, православные священники Максим Сандович и Игнатий Гудыма. Вскоре на Буковине арестовали братьев Геровских и ряд других русинских общественных деятелей. На Подкарпатской Руси (в Закарпатье) прошли аресты православных крестьян. Всех их обвиняли в измене Австро-Венгрии. Следствие велось долго; в результате были устроены два показательных политических процесса, Мармарош-Сиготский (декабрь 1913 – февраль 1914 гг.) и Львовский (март – июнь 1914).

СВУ и ГУР взывают к «общественному мнению Европы»

Зато зеленый свет был дан украинским партиям и организациям антироссийской направленности. В 1913 году во Львове состоялся Второй украинский студенческий съезд, на котором с докладом «Современное положение нации и наши задачи» выступил Дмитрий Донцов. В своем докладе он заявил о том, что в грядущей войне следует ориентироваться на Австрию и Германию и что не стать на сторону врагов России есть «злочин перед нацією і майбутнім». Донцов сказал: *«Австро-Угорщина стоїть перед дилемою: або розділити долю Туреччини, або стати оруддям нової революції нових народів Східної Європи... Актуальним є не лозунг самостійності. Актуальним, більш реальним і швидше досяжнішим – є лозунг відділення від Росії, знищення всілякого об'єднання з нею, – політичний сепаратизм».*

28 июня 1914 года в Сараево, столице аннексированной Австро-Венгрией Боснии-Герцеговины, Гавриилом Принципом был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. 1 августа началась Первая мировая война, а уже 25 августа в Вене заявил о своем существовании «Союз визволення України» (СВУ). Возглавляли его Скоропис-Йолтуховский, Донцов, Дорошенко, Жук. СВУ претендовал на то, чтобы представлять и население Надднепрянской Украины, в действительности же полностью зависел от своих немецких и австрийских хозяев. Средства, выделяемые ими на его деятельность, считались «государственным долгом будущей самостоятельной Украины».

В день своего образования СВУ выпустил воззвание «К общественному мнению Европы», где, в частности, говорилось: *«Только свободная... Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма... В это тяжелое по своим последствиям время, когда наша нация по обе стороны границы готовится к последней борьбе с исконным врагом, мы обращаемся с этим воззванием ко всему цивилизованному миру. Пусть он поддержит наше правое дело. Мы взываем к нему в твердом убеждении, что украинское дело есть также дело европейской демократии».*

Это воззвание, а также другая пропагандистская литература печатались в Вене на немецком и украинском языках, а затем доставлялись для распространения в Надднепрянской Украине. Направлялись они также в страны проживания галичан-эмигрантов с целью вербовки среди них пропагандистов и отправки их в Россию.

Кроме «Союза визволення України», 1 августа 1914 года было создано политическое объединение трех партий (национал-демократов, радикалов и социал-демократов) – «Головна Українська Рада» (ГУР), в руководство которой вошли Кость Левицкий, Михаил Павлик и Михаил Ганкевич.

Почти синхронно с «Обращением» СВУ члены ГУР выпустили «Манифест Головної Української Ради», в котором говорилось, что украинский народ принадлежит к тем народам, на которых более всего отразится война и ее последствия; что *«войны хочет Царь Российский, самодержавный властелин Империи, которая является историческим врагом Украины»*, что царская империя 300 лет ведет политику угнетения Украины с целью сделать украинский народ частью русского; что победа России грозит украинскому народу Австрии лишь гнетом, а победа австро-венгерской монархии будет освобождением Украины. *«Пусть на развалинах Российской Царской Империи взойдет солнце вольной Украины»*, – патетически провозглашал «Манифест».

Сегодня это может показаться удивительным, но в то же самое время Симон Петлюра в номере седьмом московского журнала «Украинская жизнь», главным редактором которого

он был, опубликовал специальную декларацию «Война и украинцы». В ней он уверял царское правительство в том, что украинцы *«не поддадутся провокационным воздействиям и выполнят свой долг граждан России в это тяжелое время до конца»*. Петлюра в «Украинской жизни» утверждал, что он за объединение всех (и галицийских) украинцев под эгидой царской России: *«Было бы актом величайшей дальновидности и политической мудрости, если бы по отношению к украинцам в Австрии со стороны русского правительства и руководителей русской армии были предприняты шаги, открывающие населению этих австрийских областей эру новой жизни в воссоединении с Россией и украинским ее населением»*. Как видим, политические взгляды украинских «будителей» зависели только от их местонахождения и источника финансирования...

В конце того же августа 1914 года, почти синхронно с выпуском в свет воззвания «К общественному мнению Европы», в газете «Утро», издававшейся в Софии (Болгария), было помещено обращение СВУ «К болгарскому народу», подписанное Д. Донцовым, В. Дорошенко, М. Меленевским, Н. Зализняком и А. Жуком. В обращении было сказано: *«Болгары! В этом шестивии против русского владычества мы с вами и народами Австро-Венгрии и Германии станем на одну сторону. Союз освобождения Украины, затаив дыхание, следит за вашими приготовлениями к расплате с Россией, с ее безумными союзниками...»*.

СВУ обратился с воззванием и к румынскому народу. Там было сказано: *«Лишь разгром России и оттеснение ее до этнографических границ прежнего Московского царства положит раз навсегда конец российскому империализму и обеспечит соседей от нападения русских. Обязанность обеспечения своих границ и освобождения Бессарабии от русского владычества побуждает Румынию соединить свой интерес с интересами Австро-Венгрии и Германии»*.

В «Віснику Спільки Визволення України» №№ 7–8 за август 1914 года, следуя историческому примеру «незабвенного», по выражению авторов, воззвания к шведскому народу Ивана Мазепы, СВУ обратился и к Швеции с предложением союза с Украиной для сохранения мира Европы от «московского варварства и московской ненасытности».

«Украинский вопрос» в планах Австро-Венгрии, Германии и Турции

В ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд заявил, что *«наша главная цель в этой войне состоит в долгосрочном ослаблении России, и поэтому, на случай нашей победы, мы приступим к созданию независимого от России Украинского государства»*.

Еще одним покровителем лидеров СВУ, кроме Германии и Австро-Венгрии, стала Турция. Незадолго до вступления Турции в войну «Союз визволення України» выступил с обращением к турецкому народу. В нем Украина и Турция определялись как союзники, у которых есть общий противник в лице России. Обращение СВУ нашло отклик в Турции. Журнал «Герджиман-и-Хакикат» утверждал, что украинский народ смог сохранить свой собственный язык и себя как нацию только благодаря правам, которыми пользовались украинцы в Австро-Венгрии.

СВУ встретил вступление Турции в войну с воодушевлением. Для установления контактов с турецкими и болгарскими правительственными и гражданскими кругами в Софию и Константинополь были направлены представители Главной Украинской Рады и СВУ. Делегаты Л. Цегельский и С. Баран встречались с турецкими политическими лидерами Энвер-пашой и Талаат-беем. Последние поддержали стремление создать на руинах побежденной России независимое украинское государство, которое будет преградой российской экспансии на Балканы и Средиземное море. «Вісник СВУ» весной 1915 года писал: *«Интеллигентные турки полностью увлечены украинским делом. Все они, встретив кого-нибудь из украинцев, начинают разговор об Украине, о борьбе украинцев и искренне желают их освобождения из-под ига Москвы»*.

24 октября 1914 года турецкой прессой была опубликована декларация министра иностранных дел Турции Талаат-бея, одного из трех фактических руководителей страны, по украинскому вопросу. В ней утверждалось, что образование украинского государства будет весомой услугой миру и человечности. Талаат-бей заявил, что Высокая Порта так же, как и берлинский и венский кабинеты, признаёт необходимость освобождения Украины от российского господства. А после разгрома России Османское правительство будет готово помочь украинскому народу создать независимое государство. СВУ же признавался как общенациональный представительный орган украинского народа, проживающего в российской Украине.

Газета движения младотурков «Жен Тюрк» отмечала, что *«интересы украинцев тесно связаны с интересами Турции. Украинское государство, к которому стремятся украинцы, отделило бы Россию от побережья Черного моря. Создание нероссийского славянского государства избавило бы Турцию от политики интриг и прихотей российской монархии, стремящейся господствовать над Константинополем и морскими проливами»*. Считалось, что отрыв Украины от России избавит Турцию от основного геополитического конкурента последних двух столетий.

Кроме того, СВУ под руководством немецко-турецкого комитета должен был подготовить условия для создания украинского воинского соединения, которое вместе с турецкими войсками высадилось бы на Кубани и в северном Причерноморье, в районе Одессы, с тем, чтобы инициировать волнения среди украинцев, а также восстание на Черноморском флоте.

Представители «Союза» встречались в Константинополе с доверенными лицами военного министра Турции Энвер-паши. Предусматривалось, что после высадки в одном из пунктов российского побережья Черного моря небольшое украинское подразделение при поддержке значительных турецких сил попытается вызвать восстание в Украине.

Однако, учитывая антитурецкие настроения большинства населения Кубани и Украины, операцию сочли невозможной. Кроме того, если бы украинские части прибыли на Северный Кавказ «в обозе» турецкого десанта, Россия сочла бы их представителями вражеской, оккупационной армии и уничтожила. Словом, операция не состоялась.

К концу декабря 1914 года и Австро-Венгрия несколько охладела к «Союзу визволення». Проверив, как использует СВУ выделенные ими средства, австрийцы вскрыли факты, мягко говоря, их нецелевого использования, а то и откровенного прикармливания. В ходе этой проверки у главы СВУ Н. Зализняка было конфисковано около 500 тысяч крон. Он также не смог объяснить, куда делись еще 400 тысяч крон, дополнительно выделенных СВУ до ноября 1914 года. В итоге в январе 1915 года «Союз» сняли с австрийско-венгерского довольствия, и эта организация перешла полностью на содержание Германии, которая более тщательно следила за расходом средств.

Через некоторое время ряды СВУ покинул Дмитрий Донцов, объяснив через швейцарскую украиноязычную газету «Боротьба» – партийный орган зарубежной Украинской социал-демократической рабочей партии – мотивы своего демарша. Во втором номере издания он писал: *«В Вене я не принимал в деятельности союза никакого участия и вышел из него официально после первого заседания в Вене, когда было отвергнуто мое предложение, чтобы комитет союза уведомлял нас подробно и правильно о своих материальных источниках и расходах»*. Вопрос упирался в то, что «союзники» не могли поделить, выражаясь современным языком, гранты. Но такая щепетильность не помешала Дмитрию Донцову на полученные от германского посла в Швейцарии Г. Ромберга деньги выпускать антироссийские пропагандистские материалы.

Пропаганда в начале Первой мировой

Русские дипломаты в Константинополе сообщали российской контрразведке, что с началом войны австро-германская дипломатия, возлагавшая большие надежды на внутренние беспорядки в России, стала способствовать украинским сепаратистам. При содействии австрийского посольства деятели украинских организаций Австро-Венгрии Цегельский и Баран стали размещать в газетах сведения о том, что, мол, в давние времена украинское государство простиралось от Карпат и до Волги, занимало широкую полосу на юге России, захватывая даже Воронежскую и Курскую губернии и гранича на юго-востоке с отрогами Северного Кавказа; что Украина, некогда самостоятельное государство, долго томилась под русским игом и теперь, в дни мировых событий, готова бороться за свою свободу вместе с Австрией, Германией и Турцией против общего врага – России.

При содействии турецких военных сепаратисты распространяли среди русских военнопленных в Турции брошюры подрывного содержания, а кроме того вели работу по выявлению пленных малороссийского происхождения; за согласие называться украинцами последние получали лучшие условия содержания. Точно такая же работа проводилась немецкой и австрийской администрациями. В лагерях для пленных была создана организация «Січова». Всем записавшимся в «сечевики» предоставлялись различные льготы. «Сечевики» помогали германским солдатам нести охрану российских военнопленных.

Позднее из этих «сечевиков» немцы организовали 1-й украинский полк имени Тараса Шевченко. Выдали им австрийское обмундирование с буквами У. З. С. (Украинская Запорожская Сечь) и желто-синими петлицами, поставили на полный паек и дали содержание в 15 марок. Этим солдат немцы использовали для шпионажа, передачи в русские окопы прокламаций, воззваний и газет антироссийского направления. Работа по подготовке «сечевиков» проводилась в лагерях для военнопленных – во Фрейштадте в Австрии и Раштадте в Германии, где были сосредоточены около 7 тысяч пленных украинцев. Их систематически обрабатывали активисты СВУ.

На работу в лагерях военнопленных Германия выделяла в среднем 25 тысяч марок. Работали там, в основном, пропагандисты из Галиции: неженатые получали 350 марок, женатые – 450 марок, руководители «просветянских» отделов – 550 марок в месяц. СВУ совместно с германским генштабом занимался организацией диверсионных групп, забрасываемых в российский тыл с целью, по циничному выражению одного из лидеров «Союза», распространения «украинской бациллы». Каждый член группы получал от 500 до 1000 рублей. Первая такая группа была заброшена в феврале 1916 года.

Поскольку одним из главных центров СВУ должен был стать Константинополь, руководство взял в свои руки австро-венгерский посол в Высокой Порте маркиз Паллавичини. В начале октября 1914 года он обратился в свое министерство иностранных дел с ходатайством об отпуске денег на агитацию в России. Одновременно с этим Паллавичини просил министерство отправить в Константинополь Петра Бендзя, а в отделение СВУ в Софии – другого агента.

Русские дипломаты сообщили военному ведомству, что в Константинополь прибыл представитель СВУ Мариан фон Меленевский с австрийским паспортом и вошел в сношения с маркизом Паллавичини с целью координации работы.

Меленевский в Константинополе на собрании СВУ изложил программу деятельности «Союза освобождения Украины», а также заявил о необходимости превращения Украины в новую конституционную монархию во главе с принцем Вильгельмом Габсбург-Летрингеном, он же «Василь Вышиваный». (О последнем – речь впереди).

Тайные дела Парвуса

Но фон Меленевский в Константинополе занимался не только пропагандой. Там он наладил тесное и плодотворное сотрудничество с Парвусом – одним из первых профессиональных потиттехнологов, имевшим в революционных кругах прозвище «слон с головой Сократа».

Парвус (Александр Лазаревич Гельфанд), игравший большую роль в польской социал-демократической рабочей партии в начале девятисотых годов, позднее переехал в Константинополь, где вращался в русской революционной колонии. По своим политическим воззрениям Парвус был ярким сторонником младотурков, разделял их симпатии к Германии и старался всякими мерами противодействовать России. Парвус вместе с Жаботинским редактировал ряд газет младотурков, являясь также корреспондентом нескольких российских и швейцарских газет.

Патронировал Парвусу главный финансист движения младотурков – Эммануэль Карассо. Во время балканских войн он руководил разведывательными операциями младотурков на Балканах, а в годы Первой мировой – обеспечивал поставку продовольствия Оттоманской империи. В этом прибыльном бизнесе он дал поучаствовать и Парвусу.

Карассо был протеже и деловым партнером Джузеппе Вольпи ди Мизурата, крупнейшего итальянского банкира начала 20-го века, не только финансировавшего младотурков, но и способствовавшего захвату власти чернорубашечниками. Впоследствии удачливый бизнесмен стал верным соратником Муссолини: был министром финансов Италии (1925–1928), членом Великого фашистского совета, президентом Фашистской конфедерации промышленников.

Но вернемся к Парвусу.

Сотрудничество с младотурками принесло ему целое состояние. Александр Лазаревич также стал советником и представителем в Османской империи концерна Круппа и картеля вооружений «Виккерс».

В конце Первой мировой войны Парвус дал следующую оценку европейской ситуации: *«Существует только две возможности: или западная Европа объединится, или же Россия будет доминировать. Вся игра с буферными государствами неизбежно закончится их аннексией Россией. Если они станут частью Европы, объединившейся в единое экономическое сообщество, это создаст противовес России»*. При любых условиях, утверждал Парвус, эпоха национальных государств в Европе завершена.

В этой связи примечательна связь Парвуса с графом Рихардом Куденхове-Калерги, основателем паневропейского движения. Куденхове считал необходимым образование союзного всеевропейского государства с собственной конституцией. Главными врагами объединенной Европы он считал Советский Союз и США. В основании сегодняшней объединенной Европы лежат идеи графа Куденхове-Калерги. Он полагал, что объединенная Европа возникнет в результате борьбы с большевизмом, точно так же, *«как молодая Европа возникла в борьбе против Священного союза, а Священный союз вышел из борьбы против Наполеона»*.

(Парвус не дожил восьми лет до того момента, когда один из главных сторонников паневропейской идеи, Яльмар Шахт, в то время представлявший германские интересы в Банке международных расчетов и вскоре ставший министром экономики у Гитлера, заявил на встрече единомышленников Калерги в Берлине: *«Гитлер создаст объединенную Европу! Только Гитлер способен объединить Европу!»*)

Именно с этим международным шпионом и политехнологом и сотрудничали украинские сепаратисты. Парвус с фон Меленевским образовали в Константинополе группу украинской социал-демократии, которая должна была, в частности, *«сообща с организаци-*

ями СВУ в Австрии проводить агитацию против России среди малорусского населения в Австрии, а также в России; образовать группы активного содействия Австрии, которая гарантирует национальные права Украины».

Примечательно, что многие украинские социал-демократы, в том числе и в эмиграции, не питали симпатий к СВУ.

Так, в парижской русской газете «Наше Слово» от 28-го февраля 1915 года появилась статья под заголовком «Голос Украинской соц. – дем. партии». Вот такая характеристика «Союза Визволення України» дается в этой статье: *«Союз состоит из бывших членов Украинской СДРП Донцова, Дорошенко, Меленевского, Скоропись-Иолтуховского и Жука. Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинской националистической идеологии австрийского типа, за что и были исключены из украинской социал-демократической партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их кассу».*

Однако в мае 1915 года в Софии Парвус с фон Меленевским приступили к изданию новой украинской газеты под названием «Робітничий прапор» – от имени «инициативно-организационной группы украинской социал-демократии». В состав этой группы, кроме Парвуса и Мариана фон Меленевского, вошли Николай Ганкевич, Осип Беспалко, Евгений Гуцайло, Василий Мороз, Эммануил Сандум и другие.

В первом номере газеты была помещена статья И. Бендзи под заголовком «Украинская социал-демократическая партия Австрии и война». В этой статье автор заявлял, что указанная партия соединилась с Германией и Австрией в одной боевой линии против России для того, чтобы на развалинах царской империи образовались свободные республики: украинская, великорусская и другие.

Деньги на воплощение своего плана расчленения России Парвус получил от Германии. Средства для австро-украинских националистов поступали от немцев через банк Парвуса вплоть до 1917 года.

Но Александр Лазаревич «нарисовался» на украинской националистической карте еще до начала столь «плодотворного» сотрудничества с германскими властями. В конце августа 1914 года, накануне войны, в Вене состоялось тайное совещание по украинским делам, на котором, кроме членов иностранного и военного министерств, присутствовали граф Берггольд, митрополит Шептицкий и Парвус. На этом совещании были окончательно утверждены план действий после захвата Надднепрянской Украины австро-венгерской армией. И даже намечены конкретные лица для занятия административных должностей.

Дмитрий Дорошенко: «Нас, сознательных украинцев, было так мало»

Примечательно, что по подсчетам российской контрразведки, составившей список активных членов СВУ, в его состав входили всего около 60 человек. В высших кругах украинского (малороссийского на тот момент) общества, среди помещиков, крупной буржуазии и интеллигенции идея украинского сепаратизма не находила приверженцев, ибо в Российской империи малороссы вместе с великороссами и белорусами составляли русский народ, следовательно, образовывали господствующую нацию. С точки зрения их интересов, пропаганда сепаратистами перехода под власть Австрии или под протекторат Германии являлась разрушительной.

Далеки были от идей «самостийности» и крестьяне с пролетариатом. Видный киевский эсдек Павел Тучапский, один из основателей РСДРП, писал в 1906 году в журнале «Вестник жизни»: *«Жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно... Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование».*

Фактически украинская нация начала складываться только после революции 1917 года. Историк и политический деятель Дмитрий Дорошенко писал в своих воспоминаниях: *«Нас, сознательных украинцев, было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та «кружковщина», сектантская узость и замкнутость... Теперь понятие нации безмерно расширилось, и собственно сама нация украинская только теперь начала формироваться и выкристаллизовываться».*

А вот высказывание Д. Дорошенко о настроениях населения Галиции в первое время войны: *«Несчастьем украинского народа в Австро-Венгрии было то, что он в своих национальных взглядах, а благодаря этому и в политической ориентации, был разделен на две части: одна, большая часть, хотела жить и развиваться, как отдельный украинский народ, добивалась для себя полноты национальных и государственных прав в границах Австро-Венгерского государства; в конфликте Австрии и России она лояльно стала на сторону первой и надеялась с помощью Австрии освободить из-под московского ярма если не всю, то хотя бы часть Великой Украины».*

Но была и другая часть галицко-украинских граждан, меньшая, которая считала себя не украинцами, а «русскими», свое спасение видела в России и в борьбе двух соседних государств склонялась на сторону России. Это были так называемые «москвофилы», которые имели своих сторонников не только среди интеллигенции, но и среди крестьян. Часть возглавлявших москвофильское направление уже накануне войны бежала в Россию, чтобы оттуда с победоносным российским войском вступить в Галицию и «освободить» ее из-под «австрийского ярма». Но масса обычных людей москвофильского направления активно себя не выявляла и свои симпатии сберегала в душе, чтобы выявить их тогда, когда станет ясно, на чьей стороне победа».

Талергоф и Терезин: австро-венгерский террор

После первых поражений австро-венгерских войск от российского оружия начались страшные преследования галичан «русофильской» направленности. Нередко это происходило по доносам униатских священников и «национально сознательных» соседей. Кроме того, австро-венгерское командование, чтобы оправдать свои поражения на фронте, объясняло их «изменой украинцев», их москвофильством. И Галичину захлестнул массовый террор. Тысячи русинов – крестьян, священников, интеллигентов – погибли на виселицах и в австрийских тюрьмах. Десятки тысяч были брошены в концентрационные лагеря Талергоф, Гнав, Терезин, Гмюнди, где многие также расстались с жизнью.

Бывший священник печально памятной дивизии СС «Галиция» И. Нагаевский в своей работе «Історія Української держави ХХ століття» указывает, что во время австро-венгерского террора были уничтожены около 36 тысяч гражданских лиц, включая женщин и стариков. Примерно столько же людей погибли в австрийских концлагерях.

«Талергофская трагедия, – писала историк Н. Пашаева, – была трагедией всего народа Галичины. Масштабы этой трагедии многих тысяч семей были бы несравненно более скромными, если бы не предательская роль украинофилов, которые были «пятой колонной» галицкого националистического движения, помощниками австрийской администрации и военищины».

Ю. Яворский, переживший все ужасы того лихолетья, оставил следующие воспоминания: *«Пошел подлинный живой погром. Без всякого суда и следствия, без удержу и без узды. По первому нелепому доносу, по прихоти, корысти, вражде. То целой гремющей облавой, то тихо, выборочно, врозь. На людях и дома, на работе, в гостях и во сне.*

Хватали всех сплошь, без разбора. Кто лишь признавал себя русским и русское имя носил. У кого была найдена русская газета или книга, икона или открытка из России. А то и просто того, кто был лишь отмечен мазепинцами как «русофил». Хватали кого попало. Интеллигентов и крестьян, мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и больных. И в первую голову, конечно, ненавистных им «русских» попов, доблестных пастырей народа, соль галицко-русской земли».

О степени тогдашней «национальной сознательности» можно судить по достаточно популярной в те дни песне «сечевых стрельцов»:

Українці п`ють, гуляють,
А кацапи вже конають.
Українці п`ють на гофі,
А кацапи в Талергофі.
Де стоїть стовп з телефона,
Висить кацап замість дзвона.
Уста йому посиніли,
Чорні очі побіліли,
Зуби в крові закипіли,
Шнури шию переїли...

Напомню, песенку эту галичанские «патриоты» распевали не про русских солдат, пришедших в Галицию, а про своих односельчан, соседей, родню – про тех, кто не захотел отказываться от православия и русинского языка.

Одним из узников концлагеря Талергоф был отец великого украинского публициста, борца с национализмом Ярослава Галана – Александр Галан. Он с детства хорошо увидел, какова на практике идеология «австрийского украинства».

«Защита прав малых народов»

Накануне Первой мировой войны западные страны высоко подняли лозунг «защиты прав малых народов» как инструмент разложения своих будущих военных противников. Страны Антанты говорили о разделении многонациональных Австро-Венгрии и Османской империи. Австро-Венгрия и Германия планировали расчленение Российской империи. Таким образом, провоцировались национализм и сепаратизм, подогреваемые также революционными настроениями.

В ходе войны президент США Вудро Вильсон высказался о «праве малых народов на самоопределение». В мае 1916 года он говорил о праве народов выбирать такое правительство, при котором им (то есть народам) будет удобнее жить. Несколько позже американский президент сформулировал принцип «внешнего самоопределения», согласно которому любой народ мог бы выбирать такую форму суверенитета, которую хотел. Наконец, крайняя острота противоречий на европейском континенте, обострившихся в ходе Первой мировой войны, привела Вильсона к мысли о необходимости «связать» самоопределение с национальным принципом, так что оно все больше и больше приобретало этнический характер.

В январе 1918 года американский президент выступил с программой мирного послевоенного урегулирования, которая стала известна, как «14 пунктов Вильсона». В ней он отметил, что основным субъектом власти является народ, имеющий право на самоопределение. О том, каким путем страны-победительницы решали судьбу народов распавшихся империй, вспоминает Уинстон Черчилль в своей книге «Мировой кризис»:

«Что должно было быть признаком, свидетельствующим о принадлежности к той или иной национальности? Каким путем желания «национальных элементов» должны были быть выражены и удовлетворены? Как и где должны были быть проведены новые границы среди смешанного населения? До каких пределов этот основной принцип должен был быть выше всех других соображений, исторических, географических, экономических и стратегических? Каким способом можно было убедить все те вооруженные и враждебные элементы, которые повсеместно пришли в движение, согласиться с окончательными решениями, вынесенными конференцией? Таковы были задачи мирной конференции.

Было решено, что основным признаком национальности будет считаться язык. Без сомнения, язык не всегда выражает национальность. Некоторые из наиболее сознательных в национальном отношении масс могут только с трудом объясняться на своем родном языке.

Некоторые угнетенные расы говорили на языке своих угнетателей, которых они ненавидят, а некоторые из доминирующих народов говорили на языке покоренных ими племен, управляя ими в то же самое время. Как бы там ни было, вопрос этот должен был быть улажен, по возможности, скорее, и лучшего признака национальности во всех спорных случаях, чем язык, найти не могли; как последний выход из положения, оставался еще плебисцит».

Затем, как прагматик, Черчилль достаточно цинично оценил принятые в конце решения, которые стали прологом к новой мировой войне: *«Как бы ни было сильно раздражение, вызываемое повсеместно, когда ножницы миротворцев разрезали живую ткань народов вдоль этих сомнительных границ, наличие этого раздражения не умаляло значения договора».*

Карьера аристократа-монаха

О Шептицком впервые заговорили в 1888 году, когда молодой аристократ, офицер-улан с блестящими перспективами вдруг стал монахом. Именно тогда, во время всплеска русофильства в Галиции, когда иногда целые села, как это произошло в селе Гнилички, стали переходить в православие, у папы Льва XIII возникла идея превратить Галицию в плацдарм против «схизмы». Нужен был достойный и перспективный кандидат в «духовные лидеры». Этим кандидатом и стал граф Роман Шептицкий. Он обладал привлекательной внешностью, красноречием, образованностью, надлежащим происхождением. Еще во времена Речи Посполитой в роду Шептицких были выдающиеся униатские деятели. Львовский епископ Афанасий Шептицкий в 1729 году стал киевским униатским митрополитом. Лев Шептицкий также был митрополитом униатской церкви.

На перспективного кандидата из высших кругов польской аристократии давно обратил свой взор Ватикан. После долгих лет переговоров, которые проводили с графом Мечислав Ледоховский, иезуит Энрико Яцковский и другие духовные лица, молодой Роман Шептицкий прибыл в Рим.

Во время аудиенции у папы, который предложил Роману «апостольскую миссию» возвращения в лоно католической церкви заблудших душ русского Востока, Шептицкий впал в состояние экзальтации и согласился ради такого подвига перейти в униатство.

Сначала он по заданию папы едет в Россию, чтобы ознакомиться с обстановкой на Востоке. Перед молодым импозантным графом, сыном известного магната, широко открылись двери салонов Петербурга и Киева, чем он не преминул воспользоваться, завязывая влиятельные связи. В Киеве граф Роман познакомился с историком и этнографом, связанным с австро-венгерской разведкой, – Владимиром Антоновичем. Биограф Шептицкого Лонгин Цегельский утверждает, что именно под воздействием настроений киевской интеллигенции решение 22-летнего Романа перейти из католичества в униатство стало непоколебимым.

В конце апреля 1888 года в Добромиле Роман Шептицкий вступил в орден василиан. Причем, по высочайшему указанию из Ватикана был нарушен установленный порядок: Шептицкого облачили в монашеские одежды без необходимого по уставу ордена «постулаторства», т. е. шестимесячного испытательного срока. Имя он себе выбрал – Андрей, наверно, в честь апостола Андрея Первозванного, который, согласно преданию, первым установил крест на днепровских кручах в Киеве. Вскоре из Ватикана приходит беспрецедентное по быстроте для церковной карьеры назначение молодого Шептицкого магистром этого ордена.

В Добромильском монастыре Андрей Шептицкий долго не задержался. Уже в 1890 году его назначают игуменом василианского монастыря во Львове, где для энергичного молодого деятеля было гораздо больше возможностей проявить себя.

В 1898 году умирает глава униатской церкви кардинал Сильвестр Сембратович. Шло время, но на эту должность никого не назначали. За короткое время Андрея Шептицкого рукоположили в епископы и отдали ему Станиславскую епархию. Затем состоялась интронизация митрополита Андрея, графа Шептицкого, ставшего первоиерархом греко-католиков Галиции. Это произошло 17 января 1901 года. Показательно, что при этом, помимо традиционного титула главы униатской церкви – митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменец-Подольский, – новый митрополит получил от папы Льва XIII наименование «апостольского администратора Украины», хотя за пределами Австро-Венгрии, в той части Украины, которая входила в состав Российской империи, тогда не было ни одного униатского прихода.

В 1888 году – монах, магистр ордена василиан, в 1890-м – игумен василианского монастыря, в 1899 году епископ, в 1900 году – митрополит. И все это и 35 годам! Неслыханный в истории церкви взлет...

Так «старые меха» были наполнены «молодым вином»... Андрей Шептицкий понимал, что борьба со «схизмой» Востока «огнем и мечом» уже не может принести успеха. Он начал разрабатывать новую тактику, в первую очередь как дипломат и проповедник, получив одобрение папы Льва XIII и конгрегации по пропаганде веры. Эта новая тактика базировалась на поощрении сепаратистских движений среди украинцев и белорусов, на разжигании у них вражды к «москалям».

Несмотря на свой высокий сан, с разрешения цесаря Франца-Иосифа и с благословения Ватикана, Андрей Шептицкий совершает настоящее шпионское путешествие в Россию. Сменив сутану на гражданскую одежду, под именем доктора Евгения Олесницкого через Германию он едет в «страну схизматов». Посетив Вильнюс, Минск, Слуцк, Витебск и другие города, прелат-шпион налаживал связи с ватиканской агентурой, вербовал и инструктировал новых агентов. Когда же Шептицкий собрался посетить Малороссию, с ним произошел казус: митрополит потерял подделанный австрийской разведкой паспорт. Пришлось ему, срочно свернув свою деятельность, возвращаться во Львов. Фальшивый паспорт попал в руки русской контрразведки, но там, увы, не поняли, какая важная птица улизнула. Только «поставили на учет» как австрийского шпиона... И это был не единственный подрывной вояж владыки в Россию.

После возвращения с Востока Шептицкий зарабатывает себе политический капитал с помощью проверенного способа – филантропической и меценатской деятельности. За средства митрополии он разворачивает строительство музея, больницы, выделяет пособия бедным семинаристам, художникам, артистам. При этом умело пропагандирует униатство.

Постепенно резиденция митрополита превращается в центр антироссийских сил. Этот факт не скрывают даже его биографы. Лонгин Цегельский писал: *«Раз у раз приїздили та виїздили потайні емісари – висланники-українці з Холмицини, Херсонцини, Полтавцини тощо. В будинках святоюрського палацу проживали утікачі з-під царського кнута, на кошті митрополита виховувались у Львові чи Римі на тайних місіонерів для України і Білорусії...»*

В это время произошла встреча немецкого кайзера Вильгельма II с папой Львом XIII. Канцлер фон Булов писал, что глава католической церкви сравнил Вильгельма с Карлом Великим, который *«склонил весь цивилизованный мир к подножию креста, получив благословение на выполнение этой миссии от Льва III. Теперь... немецкий император также получил... от папы Льва XIII напутствие вернуть Европу в лоно христианства..., поборов социалистические и атеистические течения».*

Ватикан рассчитывал, что Вильгельм II своим «дранг нах Остен» поможет вернуть в «лоно христианства», т. е. католицизма, народы России. Папу вовсе не смущала такая «мелочь», как протестантское вероисповедание кайзера...

Тем временем митрополит Шептицкий уделял внимание созданию церковного музея. Убивал он при этом «двух зайцев». Еще во время своей первой поездки на Буковину и в Закарпатье он обратил внимание, что в церквах тщательно сохраняются иконы, написанные в византийском, греко-православном стиле. Это напоминало о православном прошлом, о Хмельниччине... «Мятежные» иконы стали изымать и отправлять во Львов. Вместо этого церкви получали изготовленные в Ватикане иконы с изображениями «новых святых» – таких, как Иосафат Кунцевич. Получалась двойная польза: фонд музея пополнялся ценными экспонатами, а верующие лицезрели «правильных» святых...

В 1903 году умирает папа Лев XIII. Его преемником становится Пий X, также ориентирующийся на австро-немецкие круги. Нового папу беспокоили революционные события в

России, тревожила волна массовых забастовок и демонстраций, прокатившаяся по Галиции после событий 1905–1907 годов. Пий X вызвал униатского митрополита, чтобы тот детально ознакомил его и с настроениями в Галиции, и с ситуацией в России.

Митрополит Шептицкий доложил папе, что основной фундамент российского самодержавия, православие, теряет моральную силу под воздействием революционных сил. Это дает шанс выступить униатам. Тем более, что в условиях расширения религиозной свободы, после выхода 17 апреля 1905 года манифеста о веротерпимости, в Российской империи появились новые возможности для католической пропаганды. Папа был удовлетворен и докладом митрополита, и нелегальной работой его агентуры в России. Владыке Андрею был выдан тайный документ, предоставлявший полномочия действовать в пользу унии в масштабах России.

Итак, Андрей Шептицкий приступает к «экспорту» униатской идеи в российские пределы. О том, что митрополиту удалось привлечь к унии нескольких великорусских прозелитов, свидетельствуют адресованные митрополиту Андрею письма тайного католического священника восточного обряда Иоанна Дейбнера.

Вот фрагмент одного из писем:

«К одному латинскому священнику пришел православный священник и сказал, что хочет вместе с семейством принять католичество... Мне кажется, что священник может остаться по наружности православным. На литургии он может вынимать частицы не за синод и не за своего схизматического епископа, а за Папу и за своего Львовского Митрополита. Когда же громко поминает синод и епископа, то может это делать как молитву об их обращении к св. вере и пр... Во всяком случае, если не посмотреть широко на дело, то приходится отказываться от пропаганды или ее уменьшить; нельзя будет уже обращать православных священников, а между тем хорошо было бы их обращать, чтобы они могли обращать постепенно своих прихожан и даже своих коллег-священников».

О том, что Шептицкий возглавил работу «штаба», руководившего процессом униатской экспансии в России, говорится и в переписке владыки с униатским священником Алексеем Зерчаниновым. В своем письме к Шептицкому от 21 мая (3 июня) 1907 года Зерчанинов, в частности, писал: *«Всем сердцем желая церковного преуспевания для распространения католического света в России, осмеливаюсь я, недостойный, утруждать Ваше Высокопреосвященство сею докладною запиской, как своего непосредственного начальника в делах веры, на предмет канонического восстановления греко-католической иерархии в России для католиков греко-католического обряда с правом его полной свободы по существующим здесь местным обычаям, не вредящим единству католической Церкви; чтобы главный представитель восстанавливаемой иерархии, применяясь к этим обычаям, заботился о религиозных нуждах новообразовавшегося маленького стада Христова для соединения его во Христе Иисусе с Его Апостольским Наместником и земным Главою видимой Церкви Христовой для ее вящего преуспевания и спасения верующих».*

Окрыленный успехами униатского прозелитизма, Шептицкий в миссионерском порыве издает 26 ноября 1907 года пастырское послание, посвященное задаче соединения Восточных Церквей с Римом: *«Нужно, чтобы каждый наш верный умел различать католическую Церковь от других по главному знамени единства, по которому верным легче всего познавать истинную Церковь. Характер вселенской Церкви яснее всего выражается в том признаке, что в Церкви есть одна власть, власть всемирная, власть римских архиереев, и без этой всенародной власти, без учительского, непогрешимого руководства невозможно и немислимо церковное единство между христианами».*

В феврале 1907 года Шептицкий излагает папе Пию X свой проект развития униатской миссии в России. Верный традиции воспитавших его иезуитов митрополит, предлагает действовать с максимальной секретностью, так, чтобы ничего не было известно государствен-

ному секретариату Ватикана и латинским епископам в России. Хотя Шептицкий объяснял это опасностью компрометации католицизма в глазах российского правительства, на самом деле он собирался под этим предлогом монополизировать свое право на миссию. 14 февраля 1908 года митрополит Андрей Шептицкий получил письменные полномочия. Папа Пий X начертал: *«Мы все пересмотрели и одобряем. Мы испрашиваем у Господа всякого спасительного благоденствия досточтимому Архиепископу, Его Генеральному викарию по духовным делам, всем верующим, клиру и народу и преподаем им Апостольское благословение».* Этой визой папа подтверждал полномочия Андрея Шептицкого как примаса греко-католиков Российской империи.

Но и этого владыке показалось недостаточно. Он попросил у папы даровать ему самые широкие права, вплоть до права самостоятельно, без ведома Ватикана, посвящать униатских епископов для России. Шептицкий оправдывал свою просьбу тем, что подобная практика позволила бы избежать трений с российским правительством. Пий X подписал соответствующее прошение Шептицкого словами «Placet» («Угодно») и, передавая ему документ, сказал: *«Это – каноническая форма, к которой прибегают в самых серьезных и торжественных вопросах Церкви».*

Показательно, что в прошении на имя папы о даровании этих прав митрополит Андрей «скромно» называет себя: *«Смиранный митрополит Галицкий, администратор митрополии Киевской и всея Руси, а также архиепархий Владимирской, Полоцкой, Смоленской, также епархии Луцкой с экзархатом всея Руси, Острожской, Новгородской, Минской, Брестской, Витебской, Мстиславльской, Оршанской, Могилевской, Холмской, Белзской, Северской, Пинской, Туровской, а также епископ Каменец-Подольский...»*

Среди агентов Шептицкого видим представителей самых элитарных слоев: племянницу Петра Столыпина княгиню Наталию Ушакову, княжну Елену Долгорукую, графа Бобринского, графа Оболенского, который наследовал Победоносцеву на посту обер-прокурора Синода, наконец, Хомякова, брата председателя Думы. Наиболее активным эмиссаром Шептицкого был Леонид Федоров. Его еще студентом православной духовной академии во время путешествия в Рим завербовал Ватикан, а затем передал в распоряжение митрополита.

Вот отрывок одного из «духовных» посланий Федорова Шептицкому из Петербурга, где он поселился: *«Дело строительства дрендоутов и вообще усиления флота движется с черепашьей скоростью; в военном министерстве работа продвигается быстрее: создаются новые корпуса, расширяется авиационное дело, но основательных реформ нет и там. В главном штабе происходит борьба между старыми заплесневелыми тактиками и молодыми талантливыми офицерами, причем победа склоняется на сторону первых. Во главе военного министерства стоит абсолютный ноль – генерал Сухомлинов, во главе академии главного штаба – полное ничтожество, способное только праздновать и танцевать, – генерал Енгаличев. В интенданстве продолжается система воровства и взяточничества. В министерстве иностранных дел, как говорится, и конь не валялся. Сам Маклаков – бюрократ и тупой черносотенец. В министерстве финансов лучше: Коковцев оставил после себя хорошее наследство, и денег на черный день хватит. Но бедняга не угодил черносотенцам и Гришке Распутину – и его попросили в отставку...»*

Завидная информированность для недавнего студента духовной академии! За сравнительно короткий срок Федоров сумел создать довольно широкую сеть шпионской агентуры для митрополита Шептицкого. Особо важные сведения добывались в Петербурге, где он сумел завербовать женщин из аристократических семей, приближенных к императорскому двору. Кроме уже указанной племянницы Столыпина, наиболее серьезную информацию о личной жизни семьи Николая II (влияние Распутина на императрицу, интриги в придворных кругах), о тайном распределении министерских портфелей и т. п. предоставляла Юлия Данзас, пользуясь своей близостью к императрице Александре Федоровне.

Униатские агентурные базы были созданы также в Украине и в Белоруссии. В Белоруссии Шептицкий действовал сам или через неких Ивана Луцкевича и его сына Антона. Вместе с ними он организовал Земельный банк, который мог служить легальной финансовой базой униатской агентуры в Украине и в Белоруссии.

Предупрежденный Ватиканом и Веней о скором наступлении большой войны с Россией, Шептицкий занялся важными вопросами в своей вотчине – Галиции. В первую очередь – удушением москвофильских настроений среди духовенства и верующих. В этом Шептицкий опирался на хорошо подготовленных иезуитами василиан. За несколько лет количество их монастырей увеличилось с одного (в Добромиле) до десятка. Кроме этого, владыка создает ряд других орденов – студитов, редемптористов, призванных воспитывать молодежь. При его содействии возникают также женские униатские организации – «сестер студиток», «святого Иосафата» (Кунцевича), «святого Иосифа», «мироносиц». Главная цель – возбуждение среди населения духа униатского фанатизма.

Кроме того, Шептицкий занялся учреждением в крае различных националистических полувоенных организаций. С его благословения во Львове в 1913 году было создано полувоенное формирование под названием «Українські січові стрільці» (не смешивать с УСС – военным формированием австрийской армии, созданным в августе 1914 года), куда привлекались националистически настроенная молодежь. Такие же формирования стали создаваться и в других городах. *«За короткий час свого існування, – писала в июне 1914 года львовская газета «Діло», – зорганізовано п'ятдесят товариств «Січових Стрільців». При Українському Січовому союзі повстала Стрільцька Секція, яка зробилася Генеральним штабом наших мілітарних організацій. Організовано чети, сотні, курені, заведено дуже гарний і практичний однострій, зложено кілька фахових офіцерських шкіл».*

Наступил июнь 1914-го. В Сараеве был убит австрийский престолонаследник (большой друг Шептицкого), возглавлявший в Австро-Венгрии партию войны и полностью разделявший взгляды Ватикана в отношении России и Балкан.

Этот выстрел чуть позже станет предлогом к войне. А тем временем в июле в Вене состоялось тайное совещание, на котором решалась судьба Украины. Возглавлял его специалист по России, бывший посол Австро-Венгрии в Петербурге, министр иностранных дел граф Бертольд. В качестве «представителя Украины» присутствовал Андрей Шептицкий. По представлению австрийского генштаба, согласованному с Германией, совещание утвердило план действий по «украинскому вопросу».

На совещании владыку попросили подготовить рекомендации для австро-немецкого командования на случай оккупации Украины. Андрей Шептицкий выполнил это поручение и создал грандиозный проект, который в равной мере учитывал и запросы Австро-Венгерской монархии, и интересы Ватикана, и личные амбиции митрополита. Вот выдержки из этого документа под выразительным названием «О мерах по отторжению Русской Украины от России».

«Как только победоносная австрийская армия пересечет границу Украины, перед нами встанет тройная задача: военной, социальной и церковной организации страны. Решение этих задач должно... содействовать предполагаемому восстанию на Украине, но также и тому, чтобы отделить эти области от России при удобном случае как можно решительнее, чтобы придать им близкий народу характер независимой от России и чуждой царской державе национальной территории. Для этой цели должны быть использованы все украинские традиции, подавленные Россией. Надо возродить их в памяти и ввести в сознание народных масс так метко и точно, чтобы никакая политическая комбинация не была в состоянии ликвидировать последствия нашей победы».

I

Военная традиция должна быть построена на традициях запорожских казаков (военные соединения украинцев австрийцы называли «сечевыми стрельцами» специально для того, чтобы протянуть мнимую нить преемственности от Запорожской Сечи, – хотя для запорожцев именно католицизм был основным врагом – М. Б.)... Самый выдающийся военачальник мог бы после великой победы быть наречен нашим кайзером «гетманом Украины» (на роль будущего «гетмана» был выдвинут австрийскими властями эрцгерцог Вильгельм Габсбург, который также перешел в униатство и принял украинское «псевдо», Василь Вышиваний, за ношение украинских вышитых сорочек – М. Б.).

Он мог бы в ранге походного командира или фельдмаршала получить определенную автономию в рамках нашей военной администрации... Национальный характер должен проявиться в названиях воинских должностей (атаманы, есаулы, полковники, сотники), далее – в обмундировании, воинских группах и т. п...

II

В продолжение войны должна быть принята во внимание также правовая и социальная организация, чтобы доказать населению, сколь многие направления русского законодательства были несправедливы и угнетали его. Наряду с провозглашением свободы, терпимости и т. д. (основные законы) должна быть также опубликована австрийская Конституция (в украинском переводе) и всевозможные другие австрийские своды законов...

III

Церковная организация должна преследовать ту же самую цель – Церковь на Украине необходимо по возможности полнее отделить от Российской. Оставляя в стороне доктрину, сферу догматики, было бы необходимо издать серию церковных распоряжений, например: об отделении Украинской Церкви от Петербургского Синода, о запрещении молиться за царя, о необходимости молиться за цесаря. Вместе с тем великорусские московские святые должны быть удалены из календаря и т. д. Все эти декреты должны быть изданы авторитетом церковным, а не исходить от гражданской или военной власти – чтобы таким образом избавиться от российской системы. Также было бы абсолютно нецелесообразно устанавливать Синод (по образцу Петербургского Синода). Митрополит Галицкий («и всея Украины») мог бы этими декретами устанавливать то, что согласно с фундаментальными принципами Восточной Церкви и традициями Митрополичьего престола и было бы одобрено военной администрацией.

Я как митрополит мог бы это сделать, поскольку в соответствии с каноническими правилами Восточной Церкви и традициями моих предшественников имею право, подтвержденное Римом, пользоваться данной властью во всех сферах. Если начерченный мной план будет принят – а так оно, наверное, и будет, – на Украине будет установлен единый центр духовной власти и Церкви как организма, представляющего собой невидимое целое. И он будет целиком отделен от Российской Церкви. Определенное число епископов, а именно те, которые родом из Великороссии, и те, которые откажутся присоединиться к унии, должны быть устранены и заменены другими – теми, кто признает украинские и австрийские убеждения...

Таким образом, единство Украинской Церкви будет сохранено или достигнуто, а ее отделение от Российской Церкви будет решительно и полностью утверждено... Православие Церкви не было бы уничтожено. Оно должно быть сохранено во всей его полноте. Нужно только очистить его самым радикальным образом от московского влияния».

Этот документ был опубликован в газете «Общее Дело» в Петрограде 27 сентября 1917 года. Для полноты психологического портрета графа Андрея стоит сказать, что незадолго до начала войны, в марте 1914 года, Шептицкий отправил Николаю II тайное послание, в котором уверял императора в своей верности и называл его «объединителем славянства».

21 августа 1914 года Шептицкий озвучивает пастырское обращение к верующим приграничных сел, в котором призывает воевать против России, поскольку униаты «идут в бой за святую веру, божьей милостью связанные с австрийским государством и династией Габсбургов».

На каждом вагоне, в которых «сечевые стрельцы» отправлялись на фронт, большими буквами было написано: «Jedem Russ ein shuss!» («Каждого русского пристрели!»). Увы, это не помогло. Когда 5 августа 1914 года русские перешли в наступление, закончившееся сражением, известным под названием Галицкая битва, австро-венгерские войска были разгромлены.

Об атмосфере, царившей тогда, можно судить по паническому письму, написанному митрополиту его братом, генералом и начальником штаба 2-го корпуса австрийской армии Станиславом Шептицким: *«Росіяни наступаютъ. Ми терпимо поразку. Відбуваються жорстокі бої на Гнилій Липі. Твоє хлопське військо, твої УССи боїв ще не бачили, але відомо, що вони збираються «доблесно» здатись у полон москалям. Надії стримати москалів нема».*

Отряды стрельцов действительно не собирались отдавать свою жизнь за цесаря и массово сдавались в плен. Австрийская контрразведка забила тревогу; согласно специальному распоряжению, всех стрельцов перебросили из Львова к Стрию, где была произведена чистка: из 25 тысяч солдат оставили около 2,5 тысяч наиболее надежных. Оставшихся отправили в Закарпатье для переподготовки. Но это не помогло. Когда в первой половине сентября эти части были введены в бой, рядовой состав, не желая умирать «за цесаря и Украину», принудил своих офицеров сдаться в плен русским войскам. Такая же судьба постигла и будущих организаторов и руководителей УВО, за карьерой которых лично следил сам Шептицкий, – Евгения Коновальца и Андрея Мельника.

Уже 3 сентября 1914 года российские войска вступили во Львов. 19 сентября Андрей Шептицкий был выслан в Россию. Вскоре из Киева он направляет императору Николаю II письмо, содержание которого способно вызвать, как минимум, удивление после всего сделанного митрополитом. Письмо написано, как указывает в нем Шептицкий, по поводу *«успехов российской армии и воссоединения Галичины с Россией, за что трехмиллионное население Галичины с радостью приветствует российских солдат, как своих братьев».* Далее он пишет: *«Православно-католический митрополит Галицкий и Львовский, много лет желающий и готовый ежедневно жертвовать своей жизнью за благо и спасение Святой Руси и Вашего Императорского Величества, повергает к ногам Вашего Императорского Величества сердечнейшие благопожелания и радостный привет по случаю завершающегося объединения остальных частей Русской Земли».* Возмущенный император на полях письма митрополита собственноручно начертил лаконичную визу «Аспид».

Следует учесть, что Николай II еще не подозревал о существовании изложенного выше плана переустройства Украины, черновик которого был обнаружен в тайнике под Святоюрским собором во Львове в феврале 1915 года. 27 июля 1916 года министр внутренних дел Штюрмер направил Николаю II донесение по поводу обнаруженного документа, в котором кратко излагались его основные положения. В связи с этим последовала еще одна резолюция Николая II в адрес Шептицкого – «Какой мерзавец!».

Но за что же еще до всего этого выслали Шептицкого? Ответ можно прочитать в мемуарах генерала А. Брусилова: *«Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировал против нас... Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслали в Киев в распоряжение главнокомандующего»*. Оказывается, через пару дней после своего «честного слова» митрополит выступил в Успенском соборе с призывом «молиться за победу австро-германского оружия»!..

Итак, 19 сентября 1914 года Шептицкого интернировали в Россию. «Мученик» и «царский узник» выехал из Львова в Киев в комфортабельном салон-вагоне в сопровождении своего духовника, ректора униатской семинарии Боцяна, личного секретаря монаха Гродского и слуги. Поселили «жестокие» власти Шептицкого в лучшей киевской гостинице «Континенталь». В Киеве за митрополитом был установлен надзор, но это его не смутило. Он сразу начал вести работу по расширению греко-католицизма в Украине. Сначала правительство было намерено оставить Шептицкого в Киеве, но ввиду продолжения его деятельности отправило в Нижний Новгород. Митрополит и там попытался заняться созданием тайных униатских пунктов. Оттуда поднадзорного отправили в Курск. Здесь Шептицкий уже действовал более осторожно, скооперировавшись с местным католическим ксендзом и используя его как легальное прикрытие.

Тем временем в защиту «пастыря» выступили его высокопоставленные покровители, приближенные к Ватикану, австрийскому и немецкому дворам. Щемящее письмо прислала теща бывшего канцлера Германии Гогенлое, княгиня Витгенштейн. Развил бурную деятельность киевский магнат граф Тышкевич. Он буквально забросал письмами различных государственных деятелей России и других стран. Ватикан и австро-немецкий блок использовали «ссылку» Шептицкого для компрометации русского правительства. Были инспирированы провокационные слухи о «мученической смерти митрополита в российской неволе». Некоторые австрийские газеты даже разместили некрологи. Но, увы, кампания по освобождению Шептицкого провалилась после того, как в тайнике Святоюрского собора были обнаружены документы, изобличающие двурушника.

Кроме записки «О мерах по отторжению Русской Украины от России», в руки русской контрразведки попали также списки лиц, которых австро-венгерское правительство должно было назначить на административные посты после оккупации Украины. Это произошло как раз в тот момент, когда Ватикан завершал переговоры с царским правительством о разрешении Шептицкому выехать в Ватикан или какую-либо нейтральную страну – или об обмене его на какого-нибудь пленного русского журналиста. Один из чиновников при военном губернаторе Галиции 28 апреля 1915 года написал начальнику канцелярии министерства иностранных дел барону Шиллингу, что найденные во Львове секретные документы безусловно подтверждают *«связь Шептицкого с Берлином и его деятельность в интересах австрийского гентаба»*. Тогда министерство иностранных дел России удовлетворило просьбу Ватикана предоставить документальные основания для дальнейшего содержания Шептицкого в качестве интернированного. «Апостольская столица» больше этот вопрос не поднимала...

Стоит отметить, что Шептицкий остался глух к ходатайствам различных церковных и государственных деятелей в защиту истреблявшихся в 1914—15 годах галичан-русофилов. За арестованных и избиваемых православных заступились даже епископы-католики. Испанский король Альфонс просил помиловать осужденных на Венском процессе. Но униаты во главе с Шептицким наотрез отказались заступаться за русских священников и мирян, гиб-

нувших в Талергофском концлагере. Таковы были их представления о христианском милосердии.

Остается добавить, что русское правительство выделяло на содержание главы униатской церкви, уличенного как шпиона австрийской армии, четыре тысячи рублей в год, то есть столько же, сколько получал в России православный епископ.

После февральской революции Временное правительство сняло с Шептицкого все ограничения и предоставило полную свободу передвижения по стране. В середине марта министр Керенский сообщил владыке Андрею, что он может выбрать место проживания по собственному усмотрению. И тот выбрал Петербург, где лично поблагодарил за свое освобождение главу Временного правительства Львова, министров Керенского, Милюкова, Терещенко. «Пастырю» даже вернули часть обнаруженных во Львове шпионских документов...

Глава 2. Что такое Центральная Рада

По мере затягивания войны и неудач русских войск на фронте, в тылу начали расти пораженческие настроения. Ряд радикальных антиправительственных партий начал пацифистскую антивоенную агитацию. Среди них были и украинские, например, Украинская социал-демократическая рабочая партия (в которой одно время состоял и Д. Донцов). Помимо антивоенных лозунгов, они требовали украинизации армии. Но и сами националисты признают отсутствие до 1917 года подлинно сепаратистских выступлений...

Современники пишут, что до конца февраля 1917-го года в Киеве ничто не предвещало близкой грозы. Первым известием о революции в Петербурге была телеграмма члена Государственной Думы Бубликова с извещением о падении правительства и с призывом соблюдать спокойствие и порядок. Никаких других официальных сообщений не было; еще целых три дня и Киев, и вся Украина питались разными слухами и ничего достоверного не знали. Только после разрешения главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова командующий Киевским военным округом генерал Ходорович позволил газетам напечатать сообщение о событиях в Петербурге. Так Киев и Украина узнали о совершившейся Февральской революции. Сразу же закипела приглушенная во время войны политическая деятельность разных легальных и нелегальных организаций.

Организационным центром новой власти оказалась городская дума, вернее, как пишет участник тех событий А. Гольденвейзер, ее залы, в которых начали собираться представители разных организаций и партий, к которым перешла власть. В образовавшемся органе были представлены все существовавшие в Киеве общественные, культурные, просветительские, национальные организации, а также советы рабочих и военных депутатов. При рассмотрении списка собравшихся бросается в глаза, что на этом их многолюдном собрании в столице Украины была представлена только одна украинская организация – «Товариство Українських Поступовців» (ТУП). Почему это случилось, объясняет один из будущих лидеров «самостоятельной» Украины, Дмитрий Дорошенко, в своей «Истории Украины»: «ТУП была в то время единственной украинской организацией». Все другие украинцы левого, социалистического направления пребывали в рядах общероссийских партий и не ощущали потребности создания отдельных украинских партий.

Но этот орган, однако, оказался слишком громоздким, поэтому из его состава был выделен Исполнительный комитет (Исполком) из 12 членов. Пополненный впоследствии благодаря многочисленным кооптациям, в течение первых трех месяцев революции он фактически был высшей властью в Киеве, представляя Временное правительство, пока эту власть не захватила Центральная Рада.

Лозунги же о «державной суверенности» прозвучали, хотя сегодня в это трудно даже поверить, из столицы Российской империи – Петрограда. В первые дни Февральской революции в многочисленной украинской диаспоре, укрывшейся от тягот войны в различных российских бюрократических структурах, дающих право уклониться от армии, был создан «Тимчасовий український революційний комітет», который 2 марта обратился с воззванием к украинцам Петрограда. В нем говорилось: *«Гасло демократичної республіки забезпечує громадянські права кожної окремої людини, але українська демократія, українські маси потребують забезпечення не лише своїх загальногромадянських прав, але й своїх окремих національних, тих прав, які російський народ має вже віддавна. З цим гаслом національного визволення і повинні виступати українські маси в Петрограді. Найповнішим висловом ідеї національного визволення є національно-державна самостійність, і лише створення власного суверенного власного організму може забезпечити якнайширший культурний розвиток українського народу. В світлі цього ідеалу українська маса в Петрограді повинна виставити*

вкупі з демократією інших народів Росії лозунг перебудови Російської держави на федеративну демократичну республіку з якнайширшими правами окремих націй і спеціальною якнайширшою національно-територіальною автономією України».

Когда Грушевского «позвали на царство», т. е. возглавить Центральную Раду, оторвав его от издательского бизнеса в Москве, – в Киеве уже красноречиво действовали, как указывает сам Грушевский в своих «Споминах», *«ті самостійники й фашисти»*, т. е. туповцы и им подобные. Поэтому сначала борьба пошла за лидерство в ЦР. Во время выборов на Всеукраинском конгрессе, в последний день заседания, когда подошло время голосования, клакеры закричали: «Виборів не треба», «Маємо голову», «Батько Грушевський наш голова»...

Центральная Рада была образована 17 (по новому стилю) марта 1917 года после Всеукраинского национального Конгресса. Гольдвейзер вспоминал: *«8 апреля 1917 года был первый смотр украинских национальных сил и первая встреча украинской и русской общественности после революции. И приветствия, и поцелуи – все это было прекрасно и даже трогательно. Но от внимательного наблюдателя не могли уже в этот день ускользнуть предвестники совсем иных встреч в близком будущем».* Центральная Рада была избрана как чисто национальное образование наподобие «Совета объединенных еврейских организаций» и «Польского исполнительного комитета». Еврейский совет даже конкурировал с ЦР, хлопоча перед Исполкомом о предоставлении ему помещения Педагогического музея. Однако музей остался в распоряжении украинских организаций и стал их штаб-квартирой. О своем существовании ЦР сообщила в листовке как некая национальная общественная организация. О каком-либо стремлении к государственной власти в этом первом документе не говорилось ничего: *«Представники всіх українських груп, товариств і гуртків вибрали і призначили Українську Центральну раду в Києві, щоб вона орудувала усіма справами нашими. Сьогодні вона уряджає маніфестацію, на дні 6–8 квітня скликає загальноукраїнський конгрес для установлення постійних членів Центральної Української ради, відкриває збір грошей на «Український національний фонд».* К слову, вопрос о «грошах» являлся доминирующим при принятии всех более-менее важных решений ЦР – то ли во взаимоотношениях с Временным правительством, то ли с Германией, то ли в грызне членов Рады между собой.

И хотя они сумели в короткое время создать широко разветвленную и достаточно крепкую организацию, до поры до времени все оставалось в рамках чисто национального движения. Будущий глава Директории Владимир Винниченко писал в книге «Відродження нації»: *«Якийсь час Ц. Рада мала служити переважно національним центром, вона мала завдання зібрати всі сили, які мало українство, тими силами привести маси до національної свідомости, закріпити національні досягнення, а тоді, спіраючись на це, творити соціальну перебудову в відповідних, наших, національних формах і в тому розумінню самої «перебудови», яке допускалося нашим розумінням суті революції».*

По поводу автономии Украины Конгресс вынес следующую резолюцию: *«Український Національний Конгрес, признавая за Російским Учредительным Собранием право санкции нового государственного устройства Российской республики, считает, однако, что до созыва Российского Учредительного Собрания сторонники нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными и должны, по соглашению с меньшими народностями, безотлагательно создавать основы ее автономной жизни».* По вопросу о самостоятельности величайший тогда авторитет всего украинского движения, профессор Михаил Грушевский, высказался на Конгрессе так: *«Українці не имеют намерение отрывать Украину от России. Если бы они имели такое намерение – они бы выступили искренно и открыто с таким лозунгом. Ведь теперь за это они ничем бы не рисковали».*

«Батько Грушевський» – «заздрісний, нечесний дідок»

В своей брошюре «Якої ми хочемо автономії й федерації» Грушевський «простими словами» объяснил, что украинцы хотят иметь «широку національно-територіальну автономію України в складі федеративної Російської республіки». Широта и глубина этой автономии описывалась так: «Поодинокі держави-частини, ввійшовши в союз, не мають права виходити з нього – вони зрікаються цього права. На зверх, щодо інших держав, союзна держава виступає як одне тіло, – право заграничної політики належить тільки до союзнаї держави, а не держав-частини (т. е. «отцы-основатели» украинской государственности предлагали дать украинской автономии гораздо меньше прав, чем имела УССР в составе Советского Союза! – М. Б.). Так само провід військовими силами та фльотою держави. По за тим конституція звичайно вичислює ті справи, які належать до союзних, федеративних органів, а все невичислене належить до місцевих органів самопорядкування держав-частини».

Находясь в Москве, Грушевський мечтал получить титул депутата IV Всероссийской Думы. «Головним предметом розмов, – писав он в «Споминах», – була моя кандидатура при найближчих виборах до Держдуми. Київські громадяни висловляли побажання, щоб я доконче кандидатував від м. Києва... Винниченко від себе висловляв переконання, що соціал-демократи піддержуть мене «як послідовного демократа, котрий ніколи не погрішився против демократичних принципів», як він висловився». Самое интересное, что в личном дневнике Винниченко высказался о Грушевском иначе: «заздрісний, нечесний дідок». А о его научной работе – еще более резко: «Через... безлюддя, бідність на культурні сили, і Грушевський серед деяких патріотів у генії потрапив. Написати 8 томів історії України – річ, розуміється, поважна. Правда, ні трішечки не геніальна, навіть не талановита. Читати її можна за кару... «На безлюдді і Хома дворянин», – і Грушевський геній». Даже будучи уже председателем ЦР, он был готов был сменить мандат «батька української нації» на мандат депутата V Думы, которая так и не состоялась. Но в вожденное депутатство необходимо было инвестировать немалую сумму. Евгений Чикаленко, который возглавлял Центральную Раду до возвращения из ссылки Грушевского, в своих воспоминаниях упоминал о разговоре с профессором на эту тему: «Чи безпечно тепер робити купчу на землю, яку він торгував, щоб мати самостійний ценз по повіту до Державної Думи, щось коло ста десятин». Сто десятин – это около одного квадратного километра; за такой участок в то время надо было выложить примерно четверть миллиона рублей – сумма умопомрачительная для скромного профессора...

Кто знает, – может, и осталась бы Центральная Рада таким себе национально-культурным центром, если бы не сыграл на амбициях профессора Грушевского приехавший вслед за ним некий Иван Маевский. С этим человеком судьба свела Грушевского в Москве, где они собирались организовать акционерный издательский союз, специализирующийся на книгах украинских авторов. О Маевском Михаил Грушевский в своих «Споминах» приводил такие сведения: «Дитячі літа він прожив десь на Адрії, вихований по-італійськи, потім хлопцем був привезений батьком до Кременчука, тут учився в реальній школі, підлітком років 14–16 виїхав до Америки, там натуралізовався, скінчив, по його словам, медицину, але заінтересувався літературою, між іншим, був знайомий з Джеком Лондоном... мав в собі багато авантюристичного...»

И вот этот человек, который «мав в собі багато авантюристичного», приехав из Москвы, начинает уговаривать Грушевского примерить на себя роль «украинского Родзянко» (главы III и IV Думы) или «украинского Львова» (премьера первого и второго кабинетов Временного правительства). Сам Грушевский об этом пишет так: «Вперше я почув її від вищезгаданого Маєвського, але, знаючи його ексцентричність і індивідуальність, не

надав їй особливого значення, думаючи, що вона зостанеться ще надовго його індивідуальним добром. Як «давній московський знайомий», він часами заходив зі мною в довірочні розмови, ким я хочу бути – чи Родзянко, чи Львовим, а коли я висловив своє незрозуміння цього питання, пояснив свою гадку: час внести ясність і роздільність у функції нашого українського центру; Ц. Рада мусить правильно і постійно функціонувати як тимчасовий український парламент; але мусить поруч нею бути, чи нею організовуватись українське правитель-ство; він займався пропагандою сієї ідеї, і наперед хотів би знати, яку роль взяв би я собі при здійсненні цього плану... Я, скільки памятаю, відповів йому, що мені ся справа не здається такою негайною, особливої роботи для езекутиви (исполнительной власти – М.Б.) я не бачу, і Ц. Рада може ще довго полагоджувати чергову організаційну роботу в нинішній формі, але в кожнім разі не маю охоти переходити на езекутиву і краще б зістався в Ц. Раді, поскільки можу бути їй корисний».

Грушевського устроивала роль «батька», который сидит во главе представительского органа «всієї організованої української людності». Однако он узнал, что Маевский уже обсуждал свои предложения в ЦК эсэров; поэтому, «сыграв на опережение», в мае в статье для газеты «Народна воля» написал о необходимости создать «Тимчасовий український уряд» и о его функциях: «Він організовує при собі комісії для всяких справ наших українських – комісію організаційну, військову, освітню, правничу, фінансову й інші... повинен об'єднувати й керувати національно-політичною діяльністю всіх українських організацій для досягнення тих політичних завдань, для яких об'єднувались ці організації – досягнення широкої автономії України в Федеративній Російській республіці...»

Первый универсал: «Не одділяючись від всієї Росії...»

Скоро Центральная Рада, почувствовав слабость Временного правительства, перестала считаться с его властью и стала рассматривать себя как орган автономный и независимый от общероссийских учреждений. Впервые это проявилось в обращении Центральной Рады к Временному правительству с декларацией, в которой излагался ряд требований. Этот документ повезла депутация во главе с Винниченко. Депутация эта, посланная за спиной Исполкома, привела к столкновению между Исполкомом и Радой. На следующий день все киевские газеты вышли с заголовками «Украинский вопрос в Исполнительном комитете». Была послана контрдепутация. Однако она оказалась излишней, так как к этому времени Временное правительство отвергло требования Центральной Рады. Дело в том, что, как обиженно вспоминал Винниченко, Временное правительство приняло делегацию, но *«вместо того, чтобы дать простой и точный ответ, начало играть комедию: напустило на делегацию комиссию профессоров, которая набросилась на нас и начала щупать со всех сторон, стараясь сбить ее с позиций, втянуть в юридические дебри, запутать и потом взять живыми в руки»*. Здесь уместно упомянуть, что те, которые, по словам Винниченко, хотели «взять их живыми в руки», были украинцы – юристы Лазаревский и Котляровский. Временное правительство «напустило» на делегацию специалистов, желая поставить разговоры на чисто юридическую точку зрения.

После этого и началась агитация против «узурпаторского» Временного правительства. В Киеве как раз начался Второй военный съезд, на котором присутствовало украинизированное воинство, которое *«зовсім не виявляло бойової революційної енергії. Воно радо відзивалось на революційні кличі, котрі зводили його з фронту, віддаляли необхідність воюватись і битись, але дуже слабо реагувало до покликів до бою з ким би то не було»*.

И вот на Софийской площади 4 июня 1917 года это славное воинство, не желавшее «воюватись», провело митинг, на котором и был брошен клич – объявить автономию. Как вспоминал Грушевский, *«кульмінаційним пунктом його був момент, коли котрийсь із військових делегатів висловив тверду волю не роз'їздитися з Києва, поки автономія України не буде забезпечена»*.

На следующий день съезд продолжился в Киевском оперном театре. Именно там и разрабатывался проект обещанного Центральной Радой универсала. И хотя Грушевский на всякий случай избежал участия в подготовке опасного документа, ему в деталях обо всем рассказали, о чем он и написал в своих воспоминаниях. Владимир Винниченко, возбужденный эмоциональностью и театральностью события, предложил свой, радикальный вариант универсала, но умеренные и взвешенные коллеги, такие, как Ефремов, назвали предложение авантюрным. После этого, как сообщает Грушевский, Винниченко *«заявив повну готовність вигладити»*. «Гладили» так, что от первоначального текста осталось только название «универсал». Кстати, даже столь умеренный документ Грушевский так и не подписал, боясь взваливать на себя ответственность. Универсал отправили в типографию без подписи председателя Центральной Рады, хотя в правовом отношении без визы председателя все законы и постановления ЦР являлись нелегитимными.

Эмоциональные воспоминания о провозглашении Первого универсала оставили как Винниченко, так и Грушевский. Зачитывал его в оперном театре Владимир Винниченко. Но, опять-таки, утверждения полной независимости Украины в документе не было:

«Хай буде Україна вільною. Не одділяючись від всієї Росії, не розриваючи з державою Російською, хай народ український на свої землі має право сам порядкувати своїм життям...»

Ми гадали, що Центральне Російське Правительство простягне нам руку в сій роботі, що в згоді з ним ми, Українська Центральна Рада, зможемо дати лад нашій землі.

Але Тимчасове Російське Правительство одкинуло всі наші домагання, одіхнуло простягну руку українського народу... Всі сі домагання наші Центральне Російське Правительство одкинуло.

Воно не хотіло сказати, чи признає за нашим народом право на автономію та право самому порядкувати своїм життям. Воно ухилилось од відповіді, одіславши нас до майбутнього Всеросійського Учредительного Зібрання.

Центральне Російське Правительство не хотіло мати при собі нашого комісара, не хотіло разом з нами творити новий лад. Так само не хотіло признати комісара на Україну, щоб не могли разом з ним вести наш край до ладу й порядку.

І гроші, що збираються з нашої землі, одмовилось повернути на потреби нашої школи, освіти й організації.

І тепер, Народе Український, нас приневолено, щоб ми самі творили нашу долю. Ми не можемо допустити край наш на безладдя та занепад. Коли Тимчасове Російське Правительство не може дати лад у нас, коли не хоче стати разом з нами до великої роботи, то ми самі повинні взяти її на себе. Се наш обов'язок перед нашим краєм і перед тими народами, що живуть на нашій землі.

... І коли ми зробимо сю підготовчу організаційну роботу, ми скличемо представників від усіх народів Землі Української і виробимо закони для неї. Ті закони, той увесь лад, який ми підготуємо, Всеросійське Учредительне Зібрання має затвердити своїм законом».

А после всех высоких слов «отцы нации» не забыли призвать украинский народ выворачивать карманы: «*Ми, Українська Центральна Рада, приписуємо всім організованим громадянам сел і городів, всім українським громадським управам і установам з 1-го числа місяця липня (іюля) накласти на людність особливий податок на рідну справу і точно, негайно, регулярно пересилати його в скарбницю Української Центральної Ради*».

Универсал был произнесен «року 1917, місяця червня числа 10». «*Все кількатисячне зібрання по вислуханні впало на коліна і проспівало «Заповіт» з його грізними словами про окроплення волі кров'ю. Кричали гучну славу Ц. Раді, викликано на естраду мене, але я там не був*», – писал впоследствии Михаил Грушевский (опять же, профессор поосторожничал...). Это яркое описание напоминает словеса современных витий о временах «оранжевой революции» и полутора миллионах «вставшего с колен» народа на небольшой площади Независимости в Киеве. В Киевском оперном театре не могут поместиться несколько тысяч человек. Да если бы их там и утрамбовали, как бы они в едином порыве опустились на колени в уставленном креслами зале театра?

Итак, главные действующие лица происходивших в Киеве событий бурно имитировали одержимость автономией Украины, но совершенно нечетко формулировали, какой же именно автономии они хотят. Член Центральной Рады Гольденвейзер указывал: для всех было ясно, что сила украинского движения заключается главным образом в слабости его противников. Кроме того, секрет успеха национальной украинской агитации был в том, что она отвечала желаниям и склонностям широких масс, по преимуществу сельских. Крестьянам внушали, что Центральная Рада защитит их от невыгодного общего передела земли с соседями-россиянами; говорили, что, поскольку не Украина затеяла войну, украинцам незачем воевать. Но, вызвав революционный дух, через полтора года те же Петлюра и Винниченко ничего уже не смогли противопоставить приходу Советской власти...

Тем временем слабело Временное правительство и падало в Киеве влияние Исполнительного комитета. Реальная власть перемещалась в ЦР. Ее представители начали грозить России, что оголят фронт, отозвав украинцев из воинских частей. К тому времени Рада

избрала свой исполнительный орган – Генеральный Секретариат. Правда, он потеснил в музее самое Центральную раду:

«Ген. Секретаріатові приходилось розташовувати свої «столи» – забрані від Ц. Ради – в тім же коридорі Ц. Ради – один стіл означав секретаріат освіти, другий секретаріат земельних справ, де сиділи поруч міністри, діловоди і машиністки, а одна з убиралень Педагогічного музею була обернена на президіальний покій секретаріату». Но на любую, даже бессмысленную работу необходимы средства. Тем более, что на 5-й сессии ЦР, утвердившей Генеральный секретариат, он был обозначен, согласно принятой резолюции, как *«найвищий народоправний орган українського народу і його вища влада».* Ну а «влада», тем более, уже своя, национальная, имеет право требовать на свое содержание деньги. Поэтому та же сессия ЦР решила, что Генсекретариат должен внести для утверждения проект *«добровільного посімейного податку по 3 крб. на потреби Ц. Ради та її виконавчого апарату».* Это помимо налогов общероссийских, которые, естественно, Центральная Рада отменять не собиралась.

Второй универсал: «Проти замірів самовільного здійснення автономії України...»

Наконец, для налаживания контактов в Киев прибыла делегация Временного правительства в составе князя Урусова, министра иностранных дел Терещенко, военного министра Керенского, министра путей сообщения Некрасова и министра почт и телеграфов Церетели. Они заключили соглашение с украинскими лидерами. По этому соглашению, которое еще нуждалось в ратификации, Генеральный секретариат получал функции краевого исполнительного органа, а Центральная Рада становилась законодательным центром автономной провинции. Оба органа должны были пополниться представителями национальных меньшинств. Был принят Второй универсал, в котором также осуждалась чрезмерная автономия: *«Ми, Центральна Рада, яка завжди стояла за те, щоб не одділяти Україну од Росії, щоб вкупі з усіма народами її прямувати до розвитку та добробуту всієї Росії і до єдності демократичних сил її, з задоволенням приймаємо заклик Правительства до єднання... Вважаючи, що утворення краю органу Временного Правительства на Україні забезпечує бажане наближення управління краєм до потреби місцевої людності в можливих до Учредительного Зібрання межах, і визнаючи, що доля всіх народів Росії міцно зав'язана з загальними здобутками революції, ми рішуче ставимось проти замірів самовільного здійснення автономії України до Всеросійського Учредительного Зібрання...»*

Все киевские партии одобряли достигнутое представителями Временного правительства, Исполкома и Центральной Рады соглашение, хотя и смотрели на него как на неизбежное зло. Через несколько дней состоялось торжественное заседание Рады с участием представителей национальных меньшинств. С этого дня центр политической жизни переместился из дворца, где продолжали заседать Исполнительный комитет и Советы, в Педагогический музей – место собраний Центральной Рады.

Временному правительству в соглашении от 3 июля 1917 пришлось признать Раду и Генеральный Секретариат высшим краевым органом власти на Украине. Центральная Рада признала Всероссийское Учредительное собрание верховной властью и дала обязательство, что Украина не отделится от России, если Всероссийское Учредительное собрание предоставит автономию Украине. Фактически Центральная Рада, в которую вошли представители национальных меньшинств, стала парламентом Украины. Правда, в сентябре 1917 года в Киеве состоялся Съезд народов России. Он был очень хорошо подготовлен. Делегатов снабдили материалами о федерализме: австро-венгерском, швейцарском, американском. Готовившие съезд украинцы искренне хотели оказаться у истоков подлинно свободной, подлинно демократической российской федерации народов. Но, увы, события начали развиваться так стремительно, что этот съезд постигла судьба Новоогаревского договора...

Что же представляла собой тогда Центральная Рада? Трудно вообразить себе нечто более хаотичное и далекое от нормального парламента. В своих воспоминаниях бывший член Центральной Рады В. М. Левитский пишет: *«Официально украинский парламент состоял из 600 депутатов, избранных населением и 2-миллионной армией сторонников украинской республики на фронте... Украинских депутатов в Раде оказалось 117 человек. Из них 1 священник, 20–25 представителей интеллигенции, несколько крестьян, остальные – солдатские шинели, мирно дремавшие и креслах. Мы сейчас же избрали своего представителя в мандатную комиссию. Появление его в комиссии вызвало в рядах украинцев настоящую панику. Пользуясь малокультурностью и растерянностью секретаря, наш уполномоченный завладел папкой с депутатскими документами и принялся за их внимательное изучение. Вечером мы собрались, чтобы выслушать его доклад. Доклад не вызывал никаких сомнений. Никаких выборов в Центральную Раду нигде не было. Депутаты из армии*

заседали на основании удостоверений, что такой-то командирится в Киев для получения в интендантском складе партии сапог; для отдачи в починку пулеметов; для денежных расчетов; для лечения и т. п. Депутаты «тыла» имели частные письма на имя Грушевского и других лидеров, приблизительно одинакового содержания: «посылаем известного нам»... В конце – подпись председателя или секретаря какой-нибудь партийной или общественной украинской организации. Наш представитель успел снять копию с полномочий депутатов г. Полтавы. Все они были избраны советом старшин украинского клуба в заседании, на котором присутствовали 8 человек. Всего депутатских документов оказалось 800. На официальный запрос секретарь смущенно ответил, что здесь все документы. Остальные депутаты (около 300) – это Грушевский, Винниченко, Порш и другие члены президиума, которым «передованы» депутатские полномочия и каждый из них равняется 10-15-25 депутатам.

Наконец, пояснил секретарь, часть депутатов еще не успела зарегистрироваться, но таким, успокоил он, мы выдаем вместо депутатских билетов только квитки на обед.

Тайна украинского парламента была разоблачена. Мы сложили свои полномочия и ушли из Рады».

Летом 1917 года в Украине как раз проходили выборы в органы городского самоуправления. Выборы были всеобщие, прямые, равные, тайные и свободные. Любая партия или блок партий имели право выставить свой список, свободно вести пропаганду всех видов и бороться за места депутатов – гласных городских дум. Выборы примерно показали национально-политические симпатии населения в тот период. Д. Дорошенко в своей «Истории Украины» приводит данные о результатах этих выборов в восьми главнейших городах Украины с украинским населением: в Киеве из 125 гласных дум представители украинских партий получили 24 места, в Екатеринославе из 110 гласных «национально сознательные» получили 11 мест, в Херсоне из 101 – 15 мест и т. д. «Только там, где украинцы выступали в блоке с русскими социалистами, они получали более значительную часть мандатов», – признал Дорошенко. Не нашли отклика у населения и предпринятые Радой шаги к «украинизации» школ, суда и административных учреждений. Посыпались многочисленные протесты.

Киев в первые месяцы революции быстро наполнялся галичанами. Часть из них пробиралась из Австрии через фронт, который уже начал разлагаться, часть – из лагерей военнопленных, из мест расселения галицийских беженцев и интернированных в первые месяцы войны. Так в Киеве очутились австрийский полковник Андрей Мельник и Роман Сушко – будущие лидеры ОУН.

Галичане считали себя квинтэссенцией украинской культуры, «украинским Пьемонтом»; они давили на социалистов и интеллигенцию, требуя немедленной украинизации всей жизни... разумеется, по их указаниям и под их руководством. Хотя большинство населения относилось к ним в лучшем случае настороженно, в худшем – враждебно, – напористость галичан в соединении с честолюбием и жаждой власти делали свое дело.

Центральная Рада также быстро распространяла свою власть. Правда, эта власть зачастую была не менее призрачной, чем у Временного правительства. В некоторых городах образовались самостоятельные местные республики. Например, в городе Переяславе Полтавской губернии председатель Совета рабочих депутатов, помощник присяжного поверенного Георгий Носарь, родом переяславский казак, устроил республику под своим управлением. Он не признавал никакой другой власти, кроме своей собственной. В республике Носаря, кстати, жилось спокойнее, чем в других местах. Существование «Переяславской республики» закончилось с занятием Переяслава большевистскими войсками в январе 1918 года. По воспоминаниям Дорошенко, вместо того, чтобы заниматься государственным управлением, «Генеральный Секретариат продолжал оставаться оторванным от страны, изображая из себя нечто вроде наблюдательного или совещательного органа.

Никто из секретарей не показывался нигде, кроме Киева, а в Киеве их энергия уходила на политику в Центральной Раде... Но всю вину за то, что автономное правительство никак не могло наладить дела и действительно взять бразды правления в руки, сваливали на Временное правительство».

«Товарищи дезертиры! Все на митинг!»

Общие настроения не пощадили и армию – она начала быстро разлагаться. В результате падения дисциплины появились сотни тысяч дезертиров, которые наполнили тыловые города и в первую очередь Киев.

Распропагандированные солдаты записывались в «украинцы» в надежде скорее попасть домой. Другие оправдывали свое дезертирство желанием воевать только в украинских частях. К концу апреля 1917 года в Киеве накопилось несколько тысяч дезертиров. Они решили «легализоваться» путем превращения всей своей массы в «украинскую часть».

В последних числах апреля весь Киев был залеплен плакатами: «Товарищи дезертиры! Все на митинг на Сырце 30 апреля!» Пустырь в районе Сырца, на котором митинговали, заполнила многотысячная толпа дезертиров. На груди у многих были желто-голубые ленточки. После выступлений многочисленных ораторов была вынесена резолюция о немедленном формировании украинской части в Киеве и немедленном же зачислении солдат «на все виды довольствия».

Командующий войсками Временного правительства в Киеве полковник Оберучев в своих мемуарах «В дни революции» писал, что *«группа дезертиров с распределительного пункта – тысячи четыре человек – вышли на улицу и, во главе с избранным ими командиром полка, штабс-капитаном Путником-Гребенюком, направилась к дворцу (в это время во дворце помещались исполнительные комитеты). Они предъявили требование признать их «Первым украинским имени Богдана Хмельницкого полком».*

Мнения о том, удовлетворить ли требования дезертиров, разделились. Центральная Рада вынесла резолюцию: *«данную группу солдат признать полком и считаться с этим, как с фактом».* Совет солдатских депутатов стал на противоположную точку зрения и категорически воспротивился такому способу создания армии.

После длительных переговоров и совещаний, к которым были привлечены не только главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилев, но и военный министр, дезертиры восторжествовали. Был признан факт формирования первого полка украинской армии. Правда, с оговоркой, что не все дезертиры, объявившие себя полком, будут таковым признаны, а только добровольцы; все же остальные должны быть отправлены на фронт. Но оговорку эту провести в жизнь не удалось, ибо солдаты, не попавшие в состав полка, разбежались и на фронт не поехали. Удобно расположившись в казармах, полк рос, как на дрожжах, ежедневно требуя все больше довольствия, не неся никаких караулов по гарнизону и не помышляя о фронте.

Как известно, дурной пример заразителен. Вскоре в Киеве сформировался еще один такой же полк – «имени гетмана Полуботка». На фронт его солдаты также не поехали, зато приняли активное участие в попытке захватить власть в Киеве в дни июльских предреволюционных волнений в Петрограде. Глава Генерального Секретариата Винниченко уведомил по прямому проводу Временное правительство, что *«в ночь на 5 июля группа украинцев-солдат, около 5000, которая проходила распределительный пункт и самовольно, вопреки распоряжению Генерального Секретариата, назвала себя полком имени гетмана Полуботка, захватила арсенал, вооружилась и поставила караулы около двух государственных учреждений. Генеральный Секретариат немедленно предпринял решительные меры для восстановления порядка».*

И общероссийские, и украинские власти пытались урезонить бунтарей. Центральная Рада вынесла резолюцию *«призвать товарищей солдат... к национальной гражданской дисциплине».* Но все оказалось безрезультатным.

О результатах «украинизации» частей в своей «Истории Украины» Д. Дорошенко писал: *«Реальной пользы от этой «украинизации» было немного: солдаты разбегались, не доехавши до фронта, а у себя в казармах ничего не делали. Только митинговали, а в действительности не хотели даже пальцем шевельнуть, чтобы помочь Украине».*

Единственным боеспособным соединением стал 34 армейский корпус под командованием генерала Павла Скоропадского, который он превратил в 1-й Украинский корпус. Но, увы, накануне падения Центральной Рады, к началу 1918 года эта боевая часть тоже перестала существовать.

Дорошенко, которому поручили формирование первого правительства автономной Украины, считал, что *«возрожденная национальная государственность Украины должна была бы опираться на все классы населения и привлечь к делу строительства обновленной жизни все группы, все народности края, всех их заинтересовать и сделать участниками общей работы».* Но, увы, представители Центральной Рады *«предпочитали строить новую Украину на, так сказать, пустом месте, а украинскую историческую традицию в ее последней и ближайшей к нам по времени форме гетманщины предавали осмеянию и поруганию».*

Центральная Рада заявляла, что она выражает думы и чаяния всех слоев народа. Но Дорошенко хорошо знал, *«как готовились войсковые съезды и творились представители от «40 000 солдат» или иной крупной массы, и потому мало верил в прочность этой опоры, особенно в ее сознательность. Действительно, когда осенью появились большевики и бросили в солдатскую массу более элементарные и заманчивые лозунги, чем те, которые распространяли российские и украинские эсеры, то этот «миллион» растаял бесследно в самое короткое время. Защищать Центральную Раду оказалось некому, и умирать за нее пошла лишь интеллигентная молодежь, гимназисты и студенты – дети «буржуев».*

Далее он пишет: *«Со стороны господствовавших в Центральной Раде эсеров в крестьянскую массу все время бросались демагогические призывы и широкие обещания, конечно, прежде всего, обещание даровой земли. Центральная Рада держала курс на социализацию земли, причем появление большевиков заставляло ее выступать в этом направлении все более и более радикально. Автономия Украины и вообще национальные требования преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром – требуй автономию! Понятно, что это не создавало прочной базы для воссоздаваемой украинской государственности. Подобно солдатской массе, крестьянство в свою очередь не шевельнуло и пальцем в защиту Центральной Рады, когда в январе 1918 года к Киеву подступили большевики».*

Кроме того, стали возникать отряды Вольного казачества. Последнее сложилось, прежде всего, на правобережной Украине, как организация самообороны крестьян от банд дезертиров из старой русской армии. В деревнях на Украине были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умевших стрелять. Имелись сотни тысяч винтовок, закопанных в земле, спрятанных в «клунях» и «коморах» и не сданных, несмотря на все угрозы властей; миллионы патронов в той же земле, пулеметы и трехдюймовые полевые орудия чуть ли не в каждой деревне, склады снарядов, шинелей и папах чуть ли не в каждом городишке. Так возникли банды, резервом которых была деревня. А «батьками-атаманами» этих банд стали «самостийники» – сельские учителя, фельдшеры, украинские семинаристы, ставшие во время войны 1914–1917 г. прапорщиками и поручиками. Все они вдруг сделались «украинцами», все они «щиро» полюбили «нэньку Украину», все заговорили на украинском языке; все распинались «за Украину без панов, без офицеров-москалей», за такую Украину, в которой они, будут самовластными хозяевами и правителями.

Всеобщий съезд казаков в Чигирине в середине октября 1917 г. окончательно оформил эту организацию, избрав ее верховный орган – «Генеральную Раду Вольного казачества».

Октябрьская революция. Украина в свободном режиме

Временное правительство доживало свои последние дни. И когда грянула Октябрьская революция, Украине пришлось устраивать свою судьбу самостоятельно. К октябрю в Киеве оказалось три конкурирующих между собой центра власти: силы, верные Временному правительству, большевики и Центральная Рада. Политическим центром сил, верных Временному правительству, была городская дума. Но, как выяснилось, среди войск киевского гарнизона она могла рассчитывать только на юнкеров, командный состав и на отдельные небольшие части. Центральная Рада со своим Генеральным Секретариатом опирались на украинизированные части. Большевики во главе с Пятаковым и Затонским – на Совет солдатских и рабочих депутатов с несколькими воинскими частями в Киеве и артиллерией за Днепром.

После того, как Временное правительство рухнуло, а *«в Петрограде разразилась так называемая Октябрьская революция»*, – писал Дорошенко, – *Украине уже не осталось ничего иного, как отделиться от большевистской России и начать устраивать свою судьбу совершенно самостоятельно*. Не правда ли, это поразительно напоминает события, происходившие после августовского «путча» ГКЧП в 1991 году?

Дорошенко вспоминает, что, *«как только пришло известие о начавшемся в Петрограде восстании, в Киеве организовался «Революционный комитет по охране революции на Украине», в котором объединились представители Центральной Рады с представителями местных большевиков, объявивший себя верховной властью на все девять губерний*». Этот альянс выпустил воззвание к населению и объявил, что *«на улицах Петрограда идет борьба между Временным правительством и Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов»* и что *«враги революции и народной свободы»* могут попытаться вернуть царский режим. Штаб Киевского военного округа попытался устроить в Киеве базу для поддержки Временного правительства и борьбы с большевиками. Его войска окружили бывший императорский дворец, где заседал Совет солдатских и рабочих депутатов с Пятаковым во главе, и хотели этот Совет арестовать и расстрелять, – но никто иной, как представители Центральной Рады, вырвали большевиков из рук верных Временному правительству войск.

Примечательно, что Центральная Рада сначала «нащупывала пульс событий» – и выбрала позицию, когда на 3-м Украинском военном съезде во время дебатов на слова одного из ораторов «Нам надо определить, с кем мы» – зал ответил криками: «С Лениным! С Лениным!»

Через несколько дней начались сражения между военным округом и большевиками. 17 ноября Пятаков телеграфировал Ленину о полной ликвидации сопротивления сторонников Временного правительства. Во время боев войска, подчиненные Центральной Раде, периодически присоединялись к большевикам. В частности, именно они напали на подразделения чехословацкого корпуса, а представители Рады склонили чехов к нейтралитету.

На территории остальной России части, объявленные украинскими, также охотно присоединялись к большевикам, помогая последним подавлять немногочисленные очаги сопротивления. Одержав победу над сторонниками Временного правительства, большевики приступили к установлению своей власти на местах и действенной агитации в войсках Центральной Рады, грамотно избегая открытых с ней столкновений. В этой обстановке президиум Рады выпустил Третий универсал, в котором декларировал: *«Не отделяясь от Российской Республики и сберегая ее единство, мы твердо станем на нашей земле, чтобы нашими силами помочь всей России; чтобы вся Российская Республика стала федерацией равных и свободных народов»*. Генеральные секретари становились народными министрами; кроме

того, в Универсал были включены заявления о предстоящих социальных реформах – отмене права собственности на землю и введении 8-часового рабочего дня.

Но альянс большевиков и Центральной Рады держался недолго. Когда большевики рассеяли защитников штаба округа, Центральная Рада заявила о своем нежелании делиться с ними властью. Хотя большинство мест в Центральной Раде и Генеральном секретариате занимали представители социалистических партий – от эсеров до социал-демократов (меньшевики и большевики), однако быстро выяснилось, что социалисты в Москве и Киеве по-разному видят организацию власти. Основным камнем преткновения стал вопрос об организации выборов местных советов, которые должны были узаконить власть Центральной Рады на Украине; в результате этого московское правительство готово было признать УНР. В беседе по прямому проводу с представителем Центральной Рады министром Н. Поршем представитель Совнаркома И. Сталин 17(30) ноября 1917 года сказал: *«Центральная Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все здесь думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть решен лишь самим населением путем опросов, референдума и проч. Поскольку Центральная Рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя как организацию недемократическую. Съезд советов Украины должен дать, между прочим, мнение о способе опроса населения по вопросу принадлежности к той или иной области».*

7 ноября 1917 года было объявлено о создании Украинской Народной Республики. Хотя Третий универсал Центральной Рады, объявивший УНР, и обещал заключение мира, отмену помещичьей собственности на землю, введение 8-часового рабочего дня и даже «совместно с представителями рабочих установить государственный контроль над производством», – но окончательное решение этих вопросов предлагалось отложить до созыва Украинского Учредительного собрания. Попытки же крестьян самостоятельно разделить помещичьи земли, а рабочих – установить свою власть на предприятиях, Генеральный Секретариат Центральной Рады рассматривал, как проявление анархии. На борьбу с «анархией» направлялись войска, но сдержать ее они были не в силах. В этих условиях происходил рост влияния и численности пролетарских партий – большевиков и левых эсеров.

В конце концов руководство Центральной Рады активно поддержало идею правых эсеров и меньшевиков о формировании нового однородно-социалистического правительства России, взамен существующего «нелегитимного» правительства Ленина. Переговоры об этом ЦР начала вести с донским атаманом генералом А. Калединым, которому Центральная Рада помогала переправлять казачьи части на Дон. Естественно, это вызвало конфликт Центральной Рады с Советом Народных Комиссаров.

4 декабря 1917 года в Киеве открылся Всеукраинский съезд Советов, созванный Областным исполнительным комитетом Советов Юго-Западного края. Однако попытка большевиков провести его совместно с Центральной Радой провалилась. С одной стороны, большая часть Советов Донбасса и Юга Украины просто проигнорировала этот съезд, считая, что они не имеют к Украине никакого отношения. С другой, зная о планах своих оппонентов образовать украинский советский центр, аналогичный ВЦИК в России, лидеры ЦР созвали в Киев массу своих сторонников, чем нарушили нормы представительства, выработанные оргкомитетом съезда. Когда мандатная комиссия отказалась выдавать мандаты этим «делегатам», они просто разгромили помещение комиссии и выдали себе мандаты сами. После этого погрома съезд большинством голосов выразил поддержку Центральной Раде, а несогласные с таким решением 127 делегатов от 49 Советов решили переехать в Харьков и создать там орган всеукраинской власти.

Несмотря на объявление еще в начале декабря 1917 года ленинского «Манифеста к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде» и отрицательный

ответ на него Центральной Рады, конфликт пытались некоторое время разрешить дипломатическими методами. Но после I Всеукраинского съезда Советов в Харькове 11–12 декабря 1917 года потенциал сторонников социалистической революции на Украине стал возрастать. Обратимся снова к воспоминаниям Дорошенко:

«Украинские социалисты-революционеры, старательно углублявшие в течение лета 1917 года «революционное сознание народных масс», что сводилось к проповеди захвата и раздела панской земли и панского имущества, прекрасно приготовили почву для пришествия большевиков, которым не оставалось ничего иного, как пригласить массы немедленно и практически осуществить то, о чем толковали и торжественные универсалы Центральной Рады, и партийные эсеровские агитаторы на деревенских сходах.

От Четвертого универсала Центральной Рады, провозгласившего принцип социализации земельной собственности, к большевизму переход был неминуем. Ни обмануть, ни перехитрить те элементы крестьянства, которым улыбалась перспектива «социализации» панского имущества, точно так же, как и городской пролетариат, одинаково ожидавший всяких благ от социализации фабрик и заводов, было нельзя. И тех, и других софистика украинских социалистов лишь раздражала. В ней справедливо видели обман.

И как только Центральная Рада пошла на разрыв с большевиками, участь ее была предрешена. Увлеченная успехами национального движения, опьяненная легкими победами над бессильным Временным правительством, украинская социалистическая демократия не хотела допустить к делу государственного и социально-экономического строительства тех, кого она называла «панам» и «москалями», ибо не хотела делиться с ними властью и руководящим положением; конечно, не хотела она делиться и с претендентами на возглавление революции – с большевиками... Поманивши крестьянство своими обещаниями, разжегши классовую рознь, раззадоривши худшие инстинкты и аппетиты, Центральная Рада остановилась и стала отставать от того, что уже осуществили у себя большевики, – и влияние ее мгновенно исчезло. В решительную минуту, когда большевики нажали извне и изнутри, оказалось, что за Центральной Радой никто в сущности уже не стоит...»

В. Липинский по вопросу о характере революции на Украине пишет: *«Понятие Украина подменялось понятием «десятины» земли, обещанной тому, кто запишется в украинскую партию эсеров и будет голосовать «за Украину». Вместо патриотизма героического, патриотизма жертвы и любви, создавался нигде на свете не виданный, какой-то патриотизм меркантильный, с расценкой на земельную валюту: за Украину давали десятины».*

А. Гольденвейзер вспоминал, что в итоге всех этих событий Киев стал жить под знаком национальной розни. *«Национальный момент был официально выдвинут на первое место: результатом не могли не стать национальное обособление, вражда и упадок общечеловеческих благ культуры... Из неукраинских национальностей политики Рады согласны были признавать еврейскую и польскую; «российская» же была под большим подозрением, так как уж слишком трудно было провести демаркационную черту между русскими и украинскими жителями Украины».*

Спецслужбы и агенты влияния в Киеве

Пока Украина постепенно погружалась в хаос, интерес к новой «автономии» стали проявлять ведущие мировые государства – страны Антанты, США, Япония и ряд других. Как правило, сбор информации осуществлялся с помощью военных дипломатов, консульских учреждений, журналистов, разного рода гражданских миссий. Их использовали, как «крышу» для сотрудников иностранных разведок.

Иностранные информаторы изучали широкий круг вопросов: от военно-политических и общественных до проблемы украинизации вооруженных сил и состояния дел в народном хозяйстве. Кроме этого, через агентов влияния зарубежные государства делали попытки активно повлиять на руководство в Киеве в свою пользу. Нестабильность же ситуации в Украине, хаос в работе государственных институтов значительно облегчали сбор разведывательной информации, необходимой для вмешательства во внутренние дела республики.

Распад Восточного фронта, необходимость вновь укрепить его – вот что лежало в основе интереса к Украине стран Антанты и США. Они рассчитывали, что именно украинцы станут «пшечным мясом» для удержания позиций на Восточном, Западном и Румынском фронтах.

Первой проявила профессиональный интерес к Украине американская разведка. В мае 1917 года, в соответствии с решением Совета национальной безопасности США, в Украину прибыла «экономическая миссия» во главе с Руттом. Ее сменила «железнодорожная миссия» Стивенса.

Также проявила интерес к Украине и японская военная дипломатия. В июле 1917 года военный атташе Японии в России Ашида посетил Центральную Раду и генерального секретаря по международным делам А. Шульгина с целью зондирования намерений украинцев продолжать войну.

Интересы Франции обеспечивал журналист Ж. Пелисье, который в сентябре 1917 года подготовил для посла Франции в России Нуланса доклад на 27 страницах, содержащий анализ общественно-политической ситуации в Украине. В октябре 1917 года в Киев прибыли французские военные наблюдатели, генерал Табуи и полковник Перлье. У Табуи состоялась двухчасовая встреча с Владимиром Винниченко. Подчеркнув, что именно Франция первой признает независимость УНР, Табуи подчеркнул: *«Я приношу вам безусловное заверение в том, что Франция, первой совершающая этот торжественный акт, поддержит всеми своими моральными и материальными средствами усилия, которые будет делать Украинская республика, чтобы идти тем путем, какой наметили себе союзники и каким они и далее будут неуклонно идти в полном сознании своего права и своих обязанностей перед демократиями всего мира и человечества»*. То, что украинский народ может пожелать идти каким-либо иным путем, чем тот, который «наметили себе союзники», ни французскому генералу, ни украинскому премьеру даже в голову не пришло.

Кроме сбора разведывательной информации, западные эмиссары также пытались организовать поддержку определенных политических групп, рассчитывая в дальнейшем на их лояльность. Дипломаты Антанты, как указывает в своей монографии «Українська революція 1917–1921 років. Невідомі сторінки» генерал-майор В. Сидак, пытались приобрести агентов влияния среди членов Центральной Рады. Так, через лидера УРСДРП получила 10 тысяч рублей «Робітничя газета». Деньги от Антанты получал глава Вольного казачества П. Скоропадский. Поддерживались контакты и с лидерами профсоюзов.

Правительство украинских большевиков

Мы уже говорили о Вольном казачестве.

Понимая, что надеяться на свое «войско» нельзя, видя надвигающуюся анархию, некоторые деятели Центральной Рады пришли к мысли спасти положение путем создания и поддержки этой организации. Согласно уставу, Вольное казачество имело следующие цели: *«физическое и духовное развитие своих членов, поддержка спокойствия в крае, борьба с дезертирством во время войны; охрана мира, жизни и имущества граждан, особенно во время демобилизации»*.

В селах и городах создавались отряды Вольного казачества. Они получали оружие и облачались в «историческую» форму: шапки со шлыками, жупаны, кривые сабли и т. п. Уже в половине октября в Чигирине состоялся съезд «вольных казаков» с участием 2000 делегатов от 60000 членов организации. Съезд утвердил устав организации, выбрал «Раду» и атамана – генерала Скоропадского. Возможность легально получить оружие и формировать отряды привлекала в ряды Вольного казачества разнообразные элементы. В своих воспоминаниях гетман Скоропадский об этом пишет: *«Деревенская молодежь, отчасти и пожилые крестьяне, охотно вступали в казачество; менее сознательные – ради шапок с кистью и жупанов; более сознательные увлекались романтическими картинами прошлого. Было много казачьих организаций, хотя бы на Полтавщине, которые состояли из, преимущественно, зажиточных хлеборобов. Эти последние были настроены полностью антисоциалистично и антиреволюционно. Наряду с ними некоторые сотни принимали характер разбойничьих организаций. Во главе последних обычно стояли разные авантюристы, редко идейные; в большинстве такие, которые имели свои личные интересы, а то и просто искали удобного случая поживиться чужим добром. Таким образом, все зависело от того, кто стоял во главе части, будь то сотня, полк или корпус»*.

Уже через несколько дней стали возникать «комитеты гражданской безопасности» для борьбы с незаконными обысками, арестами и конфискациями имущества, которые самочинно проводили «вольные казаки». Но 60-тысячное казачество не захотело впоследствии стать на защиту Центральной Рады.

На исходе 1917 года в Украине появилось два правительства, из которых каждое претендовало на полноту власти. Харьковское – быстро взяло власть в губернских и уездных городах путем провозглашения Советской власти. К концу декабря Чернигов и Полтава уже подчинились Харькову; в начале января была провозглашена Советская власть в Екатеринославе (Днепропетровске), на всей Екатеринославщине и Херсонщине. В течение двух-трех недель почти вся Украина стала советской. К середине января Киев уже был почти окружен; территория, подвластная Центральной Раде, сжималась, словно шагреновая кожа. Теперь она состояла из Киева, нескольких уездов Черниговской и Полтавской губерний и узкой полосы в направлении Житомира и Коростеня. А Центральная Рада в это время лихорадочно занималась законотворчеством.

На остатках владений Рады и был провозглашен Четвертый универсал: *«Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого не зависимой, вольной, суверенной Державой Украинского Народа»*. Предлагались в вопросе земельном – *«упразднение собственности и социализация земли»*; в вопросе торговли – *«Украинская Народная Республика берет в свои руки важнейшие отрасли торговли»*; в вопросе военном – *«распустить армию совсем и завести народную милицию»*; в вопросе экономики – *«введение государственной монополии на железо, сахар и иные продукты и товары»*. Универсал призывал за *«агитацию против самостийной УНР, за возвращение старого строя, – карать, как за государственную измену»*.

Само это «великое событие» тогда никто, за исключением немцев в Брест-Литовске, и не заметил. Ночью в здании Педагогического музея, ставшего Центральной Радой незадолго до того, как члены последней удрали под защиту немецких штыков, произошло оглашение Четвертого универсала. Грушевский вылез за трибуну и сообщил: *«Високі збори! Українські Установчі збори, призначені Третім універсалом нашим, не могли зібратись у призначений день 9 січня тому, що останніми днями виникли всякі заколоти... Народ наш прагне миру. І Українська Центральна Рада доложила всіх зусиль, щоб дати мир негайно. Але петроградське правительство, Совіт народних комісарів, оголошує нову священну війну...»*

О существовании харьковского правительства в универсале не сказано ни слова, хотя оно к моменту его провозглашения владело почти всей Украиной. Ни слова не сказано также о том, что на большинстве территории Украины уже была провозглашена Советская власть, причем в результате действий, предпринятых отнюдь не россиянами, а своими же, украинскими большевиками. Благодаря этим умолчаниям у сегодняшнего читателя Четвертого универсала и создается впечатление, что вопрос идет о нападении России на Украину и об оборонительной войне последней против агрессора с севера. Но это далеко не так. В декабре 1917 – феврале 1918-го было провозглашено несколько советских республик в составе РСФСР: Украинская Народная Республика Советов (со столицей в Харькове), Донецко-Криворожская Советская Республика, Одесская Советская Республика, Советская Социалистическая Республика Тавриды (позже Крымская Советская Социалистическая Республика).

Красный полководец В. Антонов-Овсеенко, посланный В. Лениным на борьбу с мятежом генерала А. Каледина на Дону, часть своих операций вынужден был проводить на территории Украины и даже предоставить часть своих войск харьковскому правительству для борьбы с Центральной Радой. Однако попытка В. Антонова-Овсеенко назначить своих комиссаров в занятых его войсками городах вызвала резкий протест члена ВУЦИК Евгении Бош. Она распорядилась устранить назначенных комиссаров и немедленно сообщила о самоуправстве Антонова-Овсеенко В. Ленину. Ленин тут же телеграфировал Антонову-Овсеенко, что *«наше вмешательство во внутренние дела Украины, поскольку это не вызвано военной необходимостью, нежелательно»*, а в письме от 21 января 1918 года вновь потребовал: *«Ради бога, приложите все усилия, чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помиритесь с ними и признайте за ними всяческий суверенитет»*. Впоследствии Ленин неоднократно напоминал Антонову-Овсеенко, что на территории Украины он должен действовать исключительно с согласия украинского советского правительства. И Владимир Винниченко абсолютно справедливо писал в книге «Відродження нації»: *«Треба щиро й отверто сказати, що коли б проти нас не було повстання нашого власного селянства й робітництва, то російський совітський Уряд не зміг би нічого зробити проти нас... І не російський совітський Уряд виганяв нас з України, а наш власний народ, без якого й проти якого, ще раз кажу, російські совітські війська не могли би зайняти ні одного повіту з нашої території»*.

Армии московских интервентов: «Легенда, що її треба здати до архіву»

Сегодня школьникам и студентам рассказывают, что, «воплощая многовековое стремление украинского народа к независимости», в 1917-м году вдруг возникла молодая украинская держава. Трансформируясь в те или иные формы правления, она просуществовала до 1920-го года и была уничтожена вооруженными до зубов «ордами русских большевиков». Но этот миф давно уже опровергли объективные историки. Так, авторитетный в кругах диаспоры историк И. Лысяк-Рудницкий писал: *«Легенда, що її треба здати до архіву, це казка про «надчисленні полчища» ворогів, що під їх ударами буцімто завалилася українська державність. У дійсності інтервенційні московські армії під час першої та другої навали (зими 1917—18 рр. та 1918—19 рр.) були відносно малі. Кремль до літа 1919 року не диспонував великою регулярною армією».*

Значительный вклад в поражение Центральной Рады внесли восстания рабочих. Еще 27 декабря 1917 года началось восстание против Генерального Секретариата в Екатеринославе, 10 января 1918 года – в Конотопе (узловая железнодорожная станция в Черниговской губернии), 14 января в Одессе, 15 января – в Киеве. Хотя восстание в Киеве и было жестоко подавлено 22 января, оно заставило войска Центральной Рады отступить к столице.

Одной из многих причин начала гражданской войны на Украине можно назвать финансовую несостоятельность Центральной Рады. 29 ноября 1917 года генеральный секретарь труда Николай Порш обратился к комиссару Госбанка в Петрограде Пятакову с просьбой о выделении 90 млн руб. для покрытия задолженности рабочим Юго-Западной железной дороги, которые уже начали бастовать. Георгий Пятаков, бывший до начала ноября председателем Киевского комитета большевиков и, наверное, немало знавший о «руках, що ніколи не крали» борцов «за украинское дело», ответил, что деньги будут высланы непосредственно стачкому, а вообще снабжение Украины деньгами будет продолжаться лишь в том случае, если Центральная Рада допустит комиссаров Советов в Киевскую контору Госбанка. Тогда Генеральный Секретариат Центральной Рады распорядился прекратить поставки хлеба в Советскую Россию, а Совнарком прекратил присылать деньги в отделения Госбанка, бывшие под контролем Рады. После этого Центральная Рада 3 января 1918 года начала выпуск собственных денежных знаков – карбованцев, которые так любят современные коллекционеры. Но киевские обыватели предпочитали тогда или червонцы, или керенки...

Во время Январского восстания в Киеве сечевыми стрельцами Коновальца, ставшего впоследствии создателем УВО-ОУН, и «вольными казаками» Ковенко были уничтожены около 1500 киевлян. 750 из них 4 февраля 1918 года были с почестями похоронены в Маринском парке. Там и сегодня стоит памятник погибшим во время Январского восстания, который националисты периодически оскверняют надписью «кати України». Улицу же, названную в честь убитых киевлян, переименовали в честь преданного церковью анафеме предателя Ивана Мазепы.

Есаул 1-го Рабочего полка Вольного казачества Александр Евтухив в своих «споминах» подробно рассказывает о главном штабе казачества на Николаевской улице. Когда Евтухив вошел в штаб, там уже находились арестованные члены Центральной Рады – большевики и сочувствующие им. Они впоследствии разделили судьбу остальных арестованных. Есаул далее вспоминает: *«На заасфальтованому подвір'ї цього будинку височіли два стоси дров. Тут розстрілювали. Виводили, як правило, парами... Потім, як набиралася партія, вивозили на вантажівці».* Расстреливали там и евреев: *«Жидкові-шпигунові дали п'ять кульок, але він, собака, все був живий, тільки схилився навколішки і ніби хотів захистити себе кривавими своїми долонями. Але гуманна куля козака-катеринославця скінчила його брех-*

*ливе життя...» С двойной радостью казаки вылавливали солдат полка имени Сагайдачного, перешедших на сторону восставших. Но больше всего было уничтожено, как уже говорилось, рабочих завода «Арсенал» и железнодорожных мастерских. Александр Евтухив в своих «споминах» пишет, что при взятии «Арсенала» *«не було пощади навіть більшовицьким сестрам-жалібницям, до того усі озвірили».**

Миф о «героях Крут»

В конце 1917 – начале 1918 годов Центральная Рада катастрофически теряла поддержку, а деморализованные военные части просто разбежались. Винниченко в своем трехтомнике «Відродження нації» писал: *«Це була війна впливом... Наш вплив був менший. Він був уже остільки малий, що ми з великими труднощами могли скласти якісь невеличкі більш-менш дисципліновані частини й висилати їх проти більшовиків. Більшовики, правда, теж не мали великих дисциплінованих частин, але їхня перевага була в тому, що всі наші широкі маси солдатства не ставили їм ніякого опору або навіть переходили на їхній бік, що майже все робітництво кожного міста ставало за ними, що в селах сільська біднота явно була більшовицька, що, словом, величезна більшість самого українського населення була проти нас. Єдиною активною мілітарною нашою силою була наша інтелігентна молодь і частина національно-свідомого робітництва».* Итак, в условиях всеобщей растерянности и паники способными защищать Раду оказались главным образом студенты.

5 января 1918 года на собрании студентов младших курсов Киевского университета св. Владимира, созванном по инициативе студентов-галичан, было принято решение приступить к созданию студенческого «куренья сечевых стрельцов». К формированию куреня *«под угрозой бойкота и исключения из украинской студенческой семьи должны приступить все студенты-украинцы».* Кроме студентов, к созданию воинской части были привлечены ученики двух старших классов 2-й украинской гимназии им. Кирилло-Мефодиевского братства.

Руководство Центральной Рады знало о порыве студентов, идейно поддержало и стимулировало его. Так, 11 января 1918 года газета «Нова Рада» опубликовала обращение *«До українського студентства»*, в котором призывала *«студентів-українців усіх вищих шкіл негайно прийти на підмогу своєму краєві і народові, одностайно ставши під прапор борців за волю України проти напасників, які хочуть придушити все, що здобуто нами довгою, тяжкою героїчною працею».* Студентов призывали записываться в «курінь січових стрільців».

«Когда со стороны Бахмача и Чернигова двинулись на Киев большевистские эшелоны, правительство не могло послать для отпора ни единой воинской части. Тогда собрали наскоро отряд из студентов и гимназистов старших классов и бросили их – буквально на убой – навстречу прекрасно вооруженным и многочисленным силам большевиков. Несчастную молодежь довели до станции Круты и высадили здесь на «позиции». В то время, когда юноши (в большинстве никогда не державшие в руках ружья) бесстрашно выступили против надвигавшихся большевистских отрядов, начальство их, группа офицеров, осталась в поезде и устроила здесь попойку в вагонах; большевики без труда разбили отряд молодежи и погнали его к станции. Увидев опасность, находившиеся в поезде поспешили дать сигнал к отъезду, не оставившись ни минуты, чтобы захватить с собой бегущих... Путь на Киев был теперь совершенно открыт», – вспоминал Дмитрий Дорошенко в своей работе «Война и революция на Украине». При этом Симон Петлюра, находясь в нескольких километрах от Крут, вместо того, чтобы поспешить на помощь студентам, предпочел сбежать в Киев, возвещая о том, что он «разбил наголову» большевиков у Гребенки.

Что касается числа погибших, то, кроме мифических «трехсот спартанцев» Грушевского, назывались разные цифры. Так, Дорошенко приводит поименный список погибших 11 студентов, хотя и говорит, что несколько студентов погибли раньше, а, кроме того, были расстреляны 27 пленников, которые входили в разведывательную роту, подошедшую к Крутам, когда станцией уже овладели красные. В 1958 году в Мюнхене и Нью-Йорке, в эмигрантском издательстве «Шлях молоді», были напечатаны результаты исследования С. Зба-

ражского «Крути. У 40-річчя великого чину 29 січня 1918 – 29 січня 1958». Там пофамільно названі 18 погибших.

Остається додати, що джерелом легенди про двох днів ожесточеного опору виявився... сам командир червоних Мурав'єв. Стремясь прикрасити свої заслуги в єдиному бою, який довелося йому дати на шляху до Києва, він в доповіді головнокомандуючому військами на Юге Росії В. Антонову-Овсенку написав: *«Після дводенного бою перша революційна армія Егорова при підтримці другої армії Берзіна біля ст. Крути розбила контрреволюційні війська Ради, керівимі самим Петлюрою».*

В часи Громадянської війни загинули сотні тисяч, і бої під Крутами, мабуть, навіть не привлекли уваги громадськості, якщо б не одне обставина. Серед загиблих студентів були діти відомих і шанованих людей, діячів Центральної Ради і Генерального Секретаріату. Після повернення в березні 1918 року Центральної Ради на німецьких штыках родичі і друзі загиблих поставили питання про перепоховання останків, а також про відповідальність винуватців в їхній загибелі.

9 березня в газеті «Нова рада» з'явилася заявка: *«Гурток родичів» звертається до всіх батьків і родичів студентів, середньошкільників і інших, що входили в склад січового стрілецького куреня і загинули в бою та розстріляні після бою біля Крут 16 січня с. р. і пропонує підняти загальне прохання про розкопку могил, щоб розпізнати і перевезти їх тіла з Крут, а також поховати у Києві».* А 16 березня в газеті з'явилася стаття «Трагедія на Крутах» за підписом «С.Ш.» (дослідники вважають, що це був Сергій Шемет, один з лідерів Української партії земледельців-демократів, яка критикувала керівництво Центральної Ради). В ній говорилося: *«Ми хочемо звернути увагу суспільства й української влади на цю жахливу трагедію, котра відбулася біля ст. Крути в часи наближення більшовиків до Києва. В Крутах загинув цвіт української шкільної молоді. Загинуло кілька сот найкращої інтелігенції – юнаків – ентузіастів української національної ідеї. Така втрата для культурної нації була б важкою; для нашого народу вона безмірна. Винна в цій трагедії вся система безглуздя, весь наш уряд, котрий після блискучого соціального законодавства, після піврічного адміністрування опинився покинутим народом і армією, і в такому безнадійному становищі рішив захиститись від добре озброєної більшовицької армії кількома сотнями шкільної молоді. Узброївши на швидку руку ці жертви урядової легковажності, без жодної військової підготовки відправив їх в Крути...».* В статті також вимагалося покарати або хоча б «усунути геть від справи винуватців».

Михайло Грушевський був інтриганом не гіршим, ніж міфотворцем, і сориєнтувався блискавично. На засіданні Малої Ради він запропонував пошанувати пам'ять загиблих під Крутами і перенести їхні тіла до Києва, до Аскольдової могили, а також поховати «юних спартанців» за рахунок держави. Багаточисельні похорони відбулися 19 березня 1918 року. На вокзалі, куди привезли рештки загиблих, зібрався їхній родичі, студенти, учні гімназій, духовенство, солдати. Біля будівлі Центральної Ради процесія зупинилася, і до присутніх звернувся Михайло Грушевський: *«От у сій хвилині, коли провозять ся їхні останки перед Центральною Радою, де протягом року кувалась українська державність, з фронту її будинку здирають російського орла, ганебний знак російської влади над Україною, символ неволі, в котрій вона прожила двісті шістьдесят з верхом літ. Видко, можливість його здерти не давалась даремно, видко, вона не могла пройти без жертв, її треба було купити кров'ю. І кров пролили сі молоді герої, котрих ми провозжаємо».* Перепоховання широко освіщалося всією тогочасною пресою.

Після того, як жертви політичної безвідповідальності і цинізму швидко перетворилися в символ національного подвигу, було вже як-то незручно обличати і вимагати відповідальності винуватців.

Увы, революция на Украине, как и во всей России, была революцией чисто социальной, а вовсе не «споконвічною боротьбою українського народу за національне визволення», как это утверждают современные реконструкторы истории. В процессе этой революции малообразованные, уставшие от войны массы поверили радикальным социальным лозунгам и пошли за ними. Поэтому то, что сегодня называют «боротьбою українського народу на незалежність», было лишь попыткой националистически настроенной буржуазии и кучки деревенской интеллигенции удержать стремительно ускользавшую из рук власть – ту, что так удачно упала в руки в начале революции. Поэтому на защиту Центральной Рады не встал никто из мифических «миллионов украинских штыков»...

26 января (8 февраля) 1918 года Центральная Рада бежала из Киева. Дорошенко пишет: *«Эвакуация была проведена в ночь с 8 на 9 февраля. Число украинских войск, которые отступали, было около 3000 человек. С ними оставила Киев часть министров и членов Малой Рады. Об отступлении вообще мало кого успели оповестить; большинство членов Центральной Рады и лиц, близких к Правительству, не знало, что украинское войско покидает Киев и, проснувшись утром, с ужасом узнало, что город уже в руках большевиков».*

Но незадолго до того, как драпануть из Киева, 24 января (по новому стилю) беглецы разослали радиogramму «Всім, всім, всім від Ради Народних Міністрів Української Народної Республіки» (так переименовали незадолго до указанных событий Генсекретариат). Поскольку Грушевский в который раз предпочел не брать на себя ответственность, радиogramму «городу и миру» подписал сменивший отправленного в отставку Винниченко молодой премьер Голубович, о котором профессор Дорошенко отозвался очень просто – «кретинообразный субъект». Радиogramма извещала Украину и мир, что Центральная рада контролирует ситуацию, а распространяемые большевиками сведения, *«ніби совітські війська під проводом Юрія Коцюбинського зайняли Київ 16 січня і що ніби-то Київський гарнізон з усією своєю артилерією з'єднався з військами Коцюбинського і оповістив Центральну Раду скинутою, а Генеральний Секретаріат ніби-то втік»* – не соответствуют действительности.

На следующий день после этой оптимистической радиogramмы «совітські війська Юрія Коцюбинського» подогнали к реке Лыбедь артиллерию и начали прицельный обстрел возвышавшегося над округой дома Грушевского. Это событие стимулировало Грушевского как можно быстрее оказаться под крылышком немецкой армии. В своей работе «На порозі нової України», написанной после возвращения под защитой немецких штыков в Киев, он вспоминал: *«25 січня, підчас бомбардування Києва, большевики запальними знарядями розстріляли дім, де я жив – наш фамільний дім, побудований десять літ тому за гроші, полишені батьком. Кільканадцять запальних знарядів, що влетіли оден за другим до нашого помешкання й сусідніх, за кілька мінут обернули в одно огнище весь дім. Згоріли мої рукописи й матеріали, бібліотека і переписка, колекції українських старинностей, що зберав я стільки літ, збірки килимів, вишивок, зброї, посуду, порцеляни, фаянсу, окрас, меблів, малюнків... Перше що я вважаю пережитим і віджитим, таким, «що згоріло в моїм кабінеті», се наша орієнтація на Московщину, на Росію...»* Вот уж действительно титан мысли: перелом в истории Украины для него выразился в потере *«збірки килимів, вишивок, зброї, посуду, порцеляни»*...

Бежал из Киева «батько нації» молниеносно, выехав под покровом ночи с наиболее верными сторонниками на грузовиках по единственному свободному от большевиков Житомирскому шоссе. *«Выезд был произведен внезапно и без всякого предупреждения и оповещения хотя бы всех членов Центральной Рады»*, – вспоминал позже Дмитрий Дорошенко.

Известный киевский адвокат и политик А. Гольденвейзер в своих мемуарах пишет: *«Они покидали Киев не так, как оставляют свой родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию».*

Генерал Гофман: «Украина – это дело моих рук»

27 января в Брест-Литовске делегация Центральной Рады заключила договор с Германией и Австро-Венгрией о мире. «Герои Крут» защищали УНР как раз в то время, когда пославшие их на переговорах в Бресте просили кайзеровскую Германию оккупировать Украину! В 1919 году, в интервью газете «Daily Mail» начальник немецкого штаба Восточного фронта генерал Гофман признавался: *«В действительности Украина – это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной воли русского народа. Я создал Украину для того, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с частью России»*. Весной 1918 года, после того, как немцы выбили большевиков из Киева, Михаил Грушевский в интервью сотрудникам издательства «Відродження» тоже разоткровенничался: *«В немецких политических кругах было давно бажаннє, щоб Україна відокремилась в самостійну, сильну державу. Вони вважали се корисним для Німеччини...»*.

Центральной Раде было необходимо восстановить свою власть над Украиной. Помощи же, кроме немцев, дать никто не мог. Делегат от Рады на переговорах в Бресте-Литовском Николай Любинский подписал обращение Центральной Рады к германскому народу с просьбой о военной помощи, в котором было сказано: *«У тяжкій боротьбі за наше існування ми шукаємо помочі. Ми глибоко переконані в тім, що люблячий спокій і порядок німецький народ не зостанеться байдужим, коли він дізнається про нашу нужду. Німецьке військо, що стоїть збоку нашого північного ворога, має силу, щоб нам допомогти і своїм втручанням охоронити наші північні межі від дальшого вдирання ворога...»*. Конечно, немцы могли тогда без всякого мира попросту оккупировать всю Украину. Но с помощью мирного договора и формального признания независимости они хотя бы формально отрывали Украину от России и получали возможность в дальнейшем, согласно своему старому плану, создать из Украины свое вассальное государство. Кроме того, из «союзной» страны легче было выкачивать столь необходимое им продовольствие, чем из оккупированной территории – части враждебной России. А ведь Германия и Австро-Венгрия, которые зимой 1917–1918 годов уже находились на грани полной хозяйственной катастрофы, остро нуждались в украинском продовольствии...

По Брест-Литовскому договору державы центрального блока признавали независимость Украины. В договоре о мире было и два тайных пункта – о предоставлении Украиной немцам миллиона тонн продовольствия и о будущем выделении украинских земель Австро-Венгрии в автономную австрийскую область. В отношении военной помощи вопрос оказался скользким. Украинские делегаты добивались от «партнеров», чтобы в республику были введены только дивизии, сформированные в Австро-Венгрии и Германии из военнопленных украинцев. Но в итоге Украину оккупировали немецкие и австро-венгерские войска. Видимо, немцы посчитали, что так надежнее. Начальник германского Генерального штаба Э. Людендорф вспоминал: *«Представителям Четверного союза представилась возможность завязать сепаратные переговоры с Украиной. Они велись на твердой почве и не терялись в области фантастических и отдаленных шагов»*. Его радость понятна – страны Четверного союза находились в очень тяжелом экономическом положении, особенно Австро-Венгрия. Мирный же договор предполагал получение практически голодавшими Германией и Австро-Венгрией больших объемов продовольствия. Именно дешевые продовольственные товары Украины подразумевались под «твердой почвой» – зерно, скот и прочее сырье в обмен на германскую «крышу» для режима УНР. Украинские делегаты так спешили стать «частью Европы», что быстро согласились на внесение в текст мирного договора пункта с прямым обязательством Украины поставить миллион тонн зерновых до 31 июня 1918 года.

Более того, предусматривалось, что если немцы не получат указанных объемов зерна, то они имеют право не выполнять «политические условия соглашения».

Вскоре немцы выбили большевиков из Киева, принеся на своих плечах и Центральную Раду. О выпавших на долю столицы событиях выдающийся русский писатель, киевлянин Михаил Булгаков в рассказе «Киев-город» писал: *«Можно сказать одно: по счету киевлян, у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил. В Киеве не было только греков. Не попали они в Киев случайно, потому что умное начальство их спешно увело из Одессы».*

Журналист газеты «Киевская мысль» С. Сумской в книге «Одиннадцать переворотов («Гражданская война в Киеве)» вспоминал: *«Вслед за немцами появились на улице верховые отряды. На лошадях сидели люди точно из малороссийской оперетки: какие-то пестрые шаровары, закрученные усы и длинные болтающиеся оселедцы... Было что-то нездоровое во всем этом гайдамачестве, и оно было бы смешно и безвкусно, как всегда смешна и безвкусна бывает провинциальная оперетка, играющая для сбора «Короля Лира», если бы у персонажей этой оперетки не было настоящих винтовок, настоящей – не театральной – ненависти и злобы, продукта того разложения и опустошения, которые приносит с собой война и гражданская война.*

Немцы устраивались, а гайдамаки захватили Михайловский монастырь, где кутили, веселились, судили и казнили. Впервые показался предвестник того страшного истребления еврейского народа, которое потом в течение двух лет сопровождало всякому украинскому движению и мятежу. Гайдамаки хватили на улицах евреев, уводили их с собой в Михайловский монастырь и там убивали. Газеты пестрели траурными объявлениями, кончавшимися стереотипной фразой: «зверски убит в Михайловском монастыре». В центре города производилась расправа, и жители боялись близко подходить к монастырю. Напротив, в Софийском соборе, служились торжественные молебны об освобождении Киева, а в ворота монастыря таскали за бороды кричавших в смертельном страхе евреев». Далее Сумской пишет, что «в последовавшей затем резне повинны в полной мере и несут за это полную моральную, если не юридическую ответственность, руководители и вожди «украинского освободительного движения».

Впрочем, отношения между представителями Четверного союза и органами УНР были далеко не безоблачными. В апреле 1918 года украинцы отказались заключить с Германией военную конвенцию и угрожали приостановить отправку продовольствия. Поведение украинских социалистов раздражало немцев. Помимо держав Четверного союза, на территории Украины с весны 1918 года стали проводить боевые операции государства Антанты, которых не устраивало превращение республики в германский протекторат.

Во время так называемого «житомирского изгнания» Рада, потерявшая в январе 1918 года почти все свои украинские полки, которые перешли на сторону большевиков, приступила к формированию чисто украинских национальных частей, с исключением из них евреев, «москалей» и представителей других национальностей. Ядром Украинской национальной армии стали два полка, сформированных в Берлине еще в 1916 году из украинцев, содержащихся в германских лагерях для военнопленных. Эти полки прошли соответствующий инструктаж в отношении «духа самостийности» и «ненависти к Московии». Они получили военную выучку под руководством германских офицеров. Полки одели в опереточные украинские костюмы – синие жупаны. Но, увы, и немецкая выучка оказалась недостаточной. Один из этих полков, Богунский, перешел на сторону Советской власти и бился в 1919 году за Советскую власть на Украине против петлюровцев.

Другим источником формирования «чито украинской» армии стало Вольное казачество. В его униформе также соблюдались традиции «казацкой старины», выглядевшие в

XX веке смешным карнавалом: жупаны, серые и синие, старинные кривые сабли, казацкие шапки из «смушек», оселедцы на выбритых головах. Но если в сентябре 1917 года «вольные казаки» были украинской самообороной, защитниками украинских сел от солдатских грабежей и погромов, то уже в январе-феврале 1918 года, после исключения из Вольного казачества представителей неукраинской национальности – русских, евреев и других, – они превратились в зачинщиков еврейских погромов.

Первое, что сделала Центральная Рада по возвращении вслед за немцами в Киев, – это объявила недействительными все законы и распоряжения, вынесенные харьковским правительством. В связи с началом полевых работ, ЦР еще раз подтвердила свой закон о социализации земли и призвала «земельные комитеты», занимавшиеся этим делом, продолжать свою деятельность. Но деятельность эта только вносила полную неразбериху в и без того запутанные вопросы о землепользовании, о правах на урожай; вызывала острое недовольство не только крупных землевладельцев, но и зажиточных крестьян, на землю которых предъявляли права «земельные комитеты».

Не лучше, чем в земельном вопросе, было положение и в остальных областях жизни. Дорошенко по этому вопросу пишет: *«Вообще – некуда правду деть – украинский хаос должен быть поразить каждого свежего человека. Чем меньше встречали немцы на своем пути порядка, тем больше росла у них мысль о необходимости, по возможности, самим брать все в свои руки, чтобы обеспечить себе транспорт, снабжение и собственную безопасность».*

Языковую политику возрожденной Центральной Рады описал в своем дневнике выдающийся ученый Вернадский: *«Сейчас в Полтаве очень тревожное чувство в связи с начинающейся насильственной украинизацией. Через три недели вывески магазинов должны быть по-украински. Новый налог и полное нарушение равенства национальностей. Всюду предписано ввести делопроизводство на украинском языке... Возбуждается ненависть к языку... Вышла газета «Вільний голос» – ярко германофильская и русофобская, очень противная по типу и направлению... Любопытно отношение к украинскому вопросу творческих сил в Полтаве – отрицательное»* (12.04.1918 г.). Не правда ли, что-то очень похожее на события наших дней?!

Главой украинского правительства был студент третьего курса Голубович, тот самый «кретинообразный субъект». Как он попал на этот пост – до сих пор «тайна великая есть»... Правительство Рады, вернувшееся в Киев вместе с немецкими войсками, к апрелю подписало все необходимые немцам экономические соглашения. Согласно им, Украина обязывалась поставить 60 млн пудов зерна и продуктов его переработки, 400–500 млн штук яиц, 2750 тыс. пудов мяса крупного рогатого скота, 1,5 млн пудов картофеля, 37,5 млн пудов железной руды. Но, как известно, аппетит приходит во время еды. По мере выполнения договоров на поставку украинского продовольствия и сырья немцы стали планировать новые методы их выкачивания. Были подняты вопросы о доле Украины в государственных долгах Российской империи, о компенсации германским и австро-венгерским подданным убытков и потерь, понесенных во время мировой войны. Еще одним источником получения материальных ценностей стали штрафы и реквизиции, проводимые австро-германскими войсками на свои «текущие нужды». Так, каждому военнослужащему было разрешено отправлять посылки до 12 фунтов весом ежедневно, причем транспортные издержки ложились на украинскую сторону. Главнокомандующий вооруженными силами Германии фельдмаршал Людендорф в своих воспоминаниях писал: *«Без Украины голод был неизбежен... На Украине надо было подавить большевизм и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были углубиться в страну, другого выхода для нас не оставалось».*

Уже через две недели после заключения Брест-Литовского мира прусский военный министр фон Штейн писал, что крепкие связи с Германией должны быть использованы для предотвращения создания таможенного союза между Украиной и Центральной Россией. Следует *«отрезать Украину от Центра, привязать к Германии ту часть старой России, которая экономически более значительна и важна в деле снабжения Германии сырьевыми материалами»*. Даже границы дружественной Германии Украины, управляемой номинально Радой, определялись в Берлине. Здесь пришли к выводу, что в это государство-сателлит входят Волынь, Подолье, Херсон, Таврида (за исключением Крыма), Киев, Полтава, Чернигов, Екатеринослав и Харьков.

Австро-Венгрия колебалась, помогать ли Германии в оккупации Украины, поскольку не хотела конфликта с поляками. Только после того, как Рада официально уступила Польше город Хелм, Вена выслала на Украину относительно небольшие воинские части. Главной целью австрийцев была Одесса.

За Украиной при германской помощи должны были быть закреплены следующие территории: *«Не только значительная часть черноземного пояса, но и важные железорудные залежи Кривого Рога, угольные месторождения Донецкого бассейна и табачные плантации Кубани»*. В Киев прибыли фельдмаршал фон Эйхгорн для управления киевской армейской группой и генерал Гренер – для организации упорядоченного железнодорожного сообщения с Германией. Прибыл и посол Мумм фон Шварценштейн, имевший опыт экономических сделок с Востоком. Немцами был создан специальный «экономический отдел», координировавший германское проникновение в хозяйство региона. Под прикрытием военного щита из восемнадцати дивизий Германия начала экономическую эксплуатацию Украины. Банк Макса Варбурга в Гамбурге подготовил план полного привязывания украинского рынка к германскому. Государственный министр Пруссии Гельферих писал в конце февраля 1918 года: *«Южная Россия будет для Германии более важным рынком, чем Северная Россия, которая оказалась экономически ослабленной из-за потери производящего зерно региона и в будущем станет относительно маловажной по сравнению с Украиной, как потребитель германских товаров»*. Согласно Гельфериху и его единомышленникам, следовало изолировать Украину от России посредством контроля над ее жизненными артериями. Украинские железные дороги предполагалось включить в центрально-европейскую сеть дорог и поставить под контроль германских производителей угля и стали. Объектом особого вождения немцев стал Кривой Рог с его месторождениями железной руды. С Радой были согласованы планы эксплуатации этих природных богатств.

После того, как были изъяты запасы продовольствия в крупных центрах, немцы обнаружили неспособность правительства УНР контролировать ситуацию в сельской местности и обеспечивать поставку необходимых объемов продовольствия. Надлежало решить проблему, сформулированную генералом Гофманом: *«Все, что имеет хоть какую-нибудь ценность, отправляется на запад»*. Поэтому верховное немецкое командование решило поправить дело заменой «социалистического» правительства Рады на более управляемый режим генерала Скоропадского, объявленного «гетманом» Украины. Тем более, что предлог для переворота нашелся быстро. В ночь с 24 на 25 апреля был похищен директор Киевского банка внешней торговли, член финансовой комиссии Центральной рады Абрам Добрый. Именно он занимался вплотную составлением торговых договоров между Украиной и Германией.

Министр земледелия Ковалевский вспоминал позднее: *«Я, як і інші члени уряду, нічого не знали про цю подію... Вночі, коли Добрий був арештований, відбулось засідання кабінету міністрів під проводом Голубовича... На цьому засіданні чомусь не було Ткаченка. Десь коло півночі Ткаченко нарешті з'явився, викликав Голубовича до іншої кімнати і щось йому стурбованим голосом оповідав. Після цього ми довідались, що сталася ця подія з Добрим. Був це,*

розуміється, крок дуже небезпечний в тій напруженій ситуації, яка існувала у відносинах між німецькою і українською владами».

Банкира Доброго похитили из его квартиры. Ему и его жене показали нечто, похожее на ордер, но без подписи и печати, после чего Доброго забрали, впопыхах забыв на столе портфель со служебными документами. Через некоторое время похитители вернулись за портфелем. Но г-жа Добрая успела ознакомиться с его содержимым. Поэтому немецкие спецслужбы утром знали, среди кого искать незваных ночных гостей. Эту операцию, как оказалось, с ведома премьера Голубовича организовали министр внутренних дел Ткаченко и военный министр Жуковский.

Немцы стали вести себя, словно в оккупированной стране. Журналист «Киевской мысли» Сумской в своих мемуарах вспоминал: *«Уже стало невозможным не только печатание статей против немцев, но и необходимо было все военные статьи и информации, а также все, что касалось пребывания немцев на Украине, посылать в немецкую цензуру. Немцы печатали и расклеивали на улицах свои приказы, и к этим приказам относились с большим вниманием и уважением, чем к законам Рады. Министры, идя на заседание правительства, прочитывали на улицах приказы, которые совершенно нарушали намеченный ими для сегодняшнего заседания план работы».* Так, 26 апреля 1918 года был издан приказ главнокомандующего немецкими войсками в Украине генерал-фельдмаршала Эйхгорна, согласно которому Украина без какого-либо согласования с ЦР объявлялась территорией, находящейся под усиленной охраной, с одновременным введением военно-полевых судов. Немцы теперь могли рассматривать любые уголовные дела и отдавать под суд кого угодно, включая членов ЦР. Особенно могло достаться крестьянам – за любой саботаж в обработке и засеве зерна. Кстати, – Эйгорн издал и приказ, ликвидировавший всю аграрную реформу в Украине. Приказ восстанавливал помещичье землевладение, причем, как указывал Сумской, *«в формах самых уродливых и опасных».*

Император Вильгельм: «Я согласен на избрание гетмана»

28 апреля 1918 года в зал Киевского педагогического музея, где заседала Центральная Рада, вошел немецкий лейтенант и на русском языке скомандовал: «Именем германского правительства приказываю вам всем поднять руки вверх!» Он зачитал список лиц, подлежащих аресту немецкими «союзниками». Ими оказались Ткаченко (министр внутренних дел), Любинский (министр иностранных дел), Жуковский (военный министр), Гаевский (директор департамента Министерства внутренних дел) и Ковалевский (министр земельных дел).

На следующий день, при содействии оккупационной администрации, к власти пришло более прогермански настроенное правительство во главе с «гетманом» Скоропадским. Как раз в очередной раз собралась Центральная Рада – обсуждать проект конституции Украины и выбирать Грушевского президентом. Но ее время уже закончилось, словно песок в песочных часах. 29 апреля созданный, будто в насмешку, в здании киевского цирка съезд делегатов Союза помещиков и землевладельцев Украины вынес решение о создании гетманской (монархической) власти и провозгласил гетманом Украины генерал-адъютанта Николая II, богатого украинского помещика Павла Петровича Скоропадского. В тот же день были провозглашены законы о временном государственном устройстве Украины, согласно которым в руках гетмана сосредоточивалась исполнительная и законодательная власть. Он стал также главнокомандующим армии и флота, и только контроль над судами был возложен на Генеральный Суд. Было изменено и название страны: вместо УНР она стала называться «Украинское государство». Гетман также ликвидировал местное самоуправление.

Скоропадский был душой заговора, совершенного под защитой германских штыков. Приблизительно за месяц до переворота по инициативе генерала было создано Тайное украинское народное общество, в которое вошли Союз землевладельцев Украины и Украинская демократическая земледельческая партия. Германское командование в лице помощника Эйхгорна, генерала Гренера, поддержало заговор на следующих условиях: признание Скоропадским Брестского мира, роспуск Центральной Рады, выступления против австро-германских войск должны караться немецкими полевыми судами, земельные комитеты должны быть распущены. Должна быть восстановлена земельная собственность и введены платежи с крестьян за полученную землю. Украина оплачивает военную помощь немцев. Как раз накануне «автор» создания государства УНР, генерал Гофман, делает дневниковую запись: *«На Украине отношения несколько обостряются. Правительство создает нам трудности, и боюсь, нам придется поискать другое правительство»*. Генерал Деникин в своих мемуарах приводит текст телеграммы императора Вильгельма фельдмаршалу Эйхгорну: *«Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно исполнять наши советы»*.

Гетман в течение двух дней согласовал список своих министров с немцами. Все предприятия, владельцами которых были прежде представители Антанты, становились германской собственностью. Как пишет немецкий историк Ф. Фишер, *«Германия сделала целью своей политики то, что прежде было требованием лишь отдельных индивидуумов: оторвать Украину от великороссии и от любой другой страны с тем, чтобы привязать ее экономическую систему к Германии»*. Пропаганда националистов для села сделала акцент на том, что теперь Украина тесно связана с Европой. Но пропаганда сразу потеряла всякую притягательность, как только украинские крестьяне осознали, что немцы рассматривают их лишь как источник продовольственного снабжения этой самой Европы. 10 сентября 1918 года был подписан договор с Германией о передаче ей 35 процентов урожая на Украине. Выполнение этого договора должны были обеспечить карательные отряды. Закон от 8 июля

«О борьбе с разрухой в сельском хозяйстве» возобновлял своеобразную форму крепостничества: крестьян насильственно принуждали обрабатывать барские земли.

Украинский хлеб должен был спасти Германию, намеренную сокрушить Россию, а затем и Запад. Кайзер Вильгельм поставил задачу создания украинской армии под германским командованием. Солидные землевладельцы типа Скоропадского должны были помочь в этом деле более эффективно, чем потерявшая престиж Рада. Кайзер наметил пути полной интеграции Украины в германскую зону влияния. Но, как говорится, «жадность фраера сгубила». В решающие дни мартовского наступления 1918 года почти миллион солдат, которые могли бы оказаться решающей силой в сражении на Западном фронте, выполнял полицейские функции в Украине. Фактически, во многом из-за оккупации Украины Германия потерпела сокрушительное поражение в Первой мировой войне.

Сразу после гетманского переворота социалисты из Центральной Рады обратились за помощью к немцам, чтобы те помогли им войти в правительство гетмана Скоропадского. Но генерал Гренер их просьбу категорически отверг, сказав, что *«надо было думать об этом раньше»*. А потом не без едкости добавил: *«Не можете ли вы мне объяснить, почему вас никто не поддержал ни в феврале, когда вы обратились к нам за помощью, ни во время гетманского переворота?»*...

Немецкая оккупационная власть, а с ней и гетманское правительство, поддерживая крупных землевладельцев, начало изъятие у крестьян помещичьей земли, розданной социалистами. В правительственную полицию – «державну варту» – входило немало богатых хлеборобов-помещиков; они мстили и жестоко расправлялись с гражданами, которые во время Рады и Советов нанесли им ущерб. Была развернута политика репрессий, вызвавшая противодействие со стороны крестьян. Они начали вести вооруженную борьбу против немцев и их марионетки – гетмана. Один из деятелей того периода, Н. Могиланский, в своих воспоминаниях «Трагедия Украины» описывает экзекуции карательных отрядов. В ответ крестьяне в свою очередь устраивали акты возмездия помещикам и офицерам. Могиланский писал: *«Повстанцы распорядились с ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамаччину. У нас были донесения, что штыками вытягивали кишки у несчастных жертв народной ненависти и жестокого самосуда разъяренной толпы»*.

Но если в селах у гетмана были сторонники среди зажиточных крестьян и помещиков, то в городах дело обстояло значительно хуже. Подавляющее большинство городского населения придерживалось пророссийских настроений, а потому было враждебно гетманскому правительству, чуждо пропаганде «самостийности» Украины и проводимой политике украинизации. Горожане, особенно интеллигенция, относились резко отрицательно к насильственному насаждению «мовы» и свое отрицательное отношение переносили на гетманский режим вообще. Сторонников украинизации можно было найти разве что среди деревенской полуинтеллигенции и приверженцев Центральной Рады. Впрочем, последние не могли простить гетману переворота.

Скоропадский также узаконил «автокефалию» украинской церкви. 30 октября (12 ноября) 1918 года министр исповеданий Лотоцкий произнес программную речь, в которой провозгласил цели новой политики по отношению к православной церкви. Главные положения этой речи были следующие: *«Основной принцип государственной власти состоит в том, что в самостийной державе должна быть и самостийная Церковь... Автокефалия Украинской Церкви – это не только церковная, но и национальная необходимость. И кто это понимает и всем сердцем принимает интересы украинского народа, тот принимает и автокефалию Украинской Церкви»*. По сути, первый вариант нынешнего филаретовского раскола!..

Однако вскоре ситуация кардинально изменилась. Произошел военный разгром держав, на которые опирался режим Скоропадского; гетман был вынужден срочно менять

ориентиры. 1(14) ноября 1918 года Павел Скоропадский принял «Федеративную Грамоту», провозглашавшую объединение Украины с «будущей небольшевиcтской Россией». Было создано русофильское правительство С. Н. Гербеля, а все министры-«самостийники» отправлены в отставку. Отставку Лотоцкого архиепископ Евлогий охарактеризовал так: *«Пал министр – пала и автокефалия. Будем теперь спокойно заниматься делами».*

Интересны и не потеряли актуальности сегодня размышления Могилянского о поведении немцев. С одной стороны, они препятствовали Скоропадскому в создании боеспособной армии, поскольку немцы не потерпели бы другой сколько-нибудь серьезной военной силы на Украине. С другой стороны, они сами помогали формированию офицерских отрядов Южной армии. Немцы постоянно и намеренно путали карты при переговорах Украины с Крымом, чтобы и здесь не было достигнуто какое-либо соглашение. «Разделяй и властвуй» было их лозунгом. Именно немцы потребовали у гетмана Скоропадского освободить арестованного им Петлюру. Скоропадский сознался, что освободил Петлюру, несмотря на доказательства его подрывной деятельности против гетманата, поскольку немцы угрожали освободить его силой...

Очувтившись в политической изоляции, гетман попытался найти поддержку среди украинских социалистов. 24 октября 1918 года в состав его правительства вошли четыре социалиста, однако это уже не помогло. Немцы терпели поражения... Социалистические оппозиционные партии начали подготовку восстания против гетмана. Для руководства был создан управляющий орган – Директория, в состав которой вошли Владимир Винниченко, Симон Петлюра, Федор Швец, Андрей Макаренко. Их главной военной силой стали «сечевые стрельцы» под руководством полковника австрийской армии Евгения Коновальца, которые находились в Белой Церкви. Скоро к стрельцам стали присоединяться восставшие крестьяне. Они хорошо запомнили все обиды: и развороченные артиллерийским огнем хаты, и крестьянские спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки немецких офицеров на клочке бумаги вроде «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок», и реквизированных лошадей, и отобранный хлеб, и многое другое. Началось наступление на Киев. Немцы, в обмен на беспрепятственный пропуск на родину, объявили о своем нейтралитете. 14 декабря гетман отрекся от власти и передал ее своему правительству, которое, в свою очередь, передало власть Директории. Ночью германское командование, одев гетмана в форму немецкого офицера и забинтовав наглухо ему голову, чтобы не могли узнать, вывезло его в немецком поезде из Киева. 19 декабря войска Директории вошли в Киев. Правда, продержались они еще меньше, чем гетман. Уже через полтора месяца Директории пришлось бежать из столицы.

Шесть недель Директории

Когда Директория со товарищи подняла в Белой Церкви восстание против Скоропадского, сначала с ней были только галичане Коновальца. По воспоминаниям современников, Петлюра начал распускать через своих агентов слухи, что он – сторонник «радянської влади»; скоро к нему начало стекаться революционизированное крестьянство. Именно этим объясняется то обстоятельство, что 50-тысячная крестьянская армия «головного атамана» Петлюры вступила в Киев под красными знаменами, и на этих знаменах красовались большевистские лозунги: «За владу Рад», «За радянську владу» и т. д. Винниченко объяснял это так: *«Инициаторы предвидели, что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно, повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом... Само собой разумеется, что этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие, преимущественно, характер Советской власти».*

После вступления Петлюры в Киев через спешно построенную триумфальную арку реальная власть оказалась, по словам Винниченко, *«в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами искал у них ласки. Они вводили осадное положение, они ставили цензуру, они запрещали собрания».* Единственное, что успели сделать петлюровские войки, кроме цензуры, вырезания офицеров и еврейских погромов, – это полностью украинизировать все вывески. *«Приказ о немедленной украинизации вывесок частным образом мотивировался тем, что галицийские войска, которые Петлюра призвал освободить Украину, были весьма сконфужены, когда они, овладев, наконец, Киевом, оказались в совершенно русском городе»*, – писал А. Гольденвейзер. Как вспоминает этот же автор, в свое время бывший членом Центральной Рады, *«время владычества Директории, каких-нибудь шесть недель, было временем самого необузданного национализма и русофобства. И вместе с тем, это было время неслыханно-кровавых и жестоких еврейских погромов».* Недаром во время вступления в Киев петлюровских войск сказал украинский эсдек Чикаленко: *«Они задушат украинскую свободу в еврейской крови...»*

Начавшиеся еще 14 декабря убийства офицеров, юнкеров и молодежи, служившей в гетманских отрядах, продолжались все время господства Директории в Киеве. Педагогический музей, в котором в 1917–1918 гг. заседала Центральная Рада, превратили в тюрьму, где были заключены около трех тысяч человек. На улицах Киева каждое утро находили десятки трупов убитых офицеров. Ни одна ночь не проходила без убийств. А в местечках и городах вокруг Киева шли еврейские погромы.

Формально Директория захватила власть на всей Украине, но фактически эта власть была не большей, чем власть Центральной Рады за год до того. Директория сумела поднять огромную вооруженную массу для свержения немецко-гетманского режима, но эта масса очень быстро растаяла. Большая часть крестьян сразу же вернулась в села для реализации своей победы и занялась дележом земли и разгромом еще уцелевших или восстановленных во время гетманства имений, а также мстью за шомпола, полученные при гетмане. Другая часть имела очень сильные пробольшевистские настроения и также не желала успокаиваться.

Украинский хаос как нельзя лучше характеризуется положением Екатеринослава (ныне Днепропетровск), о котором генералу Деникину пришла такая сводка: *«Город разделен на пять районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины; в районе городской думы – еврейская самооборона; далее – кольцом охватывают немцы; добровольцев,*

самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город в кольце большевиков и махновцев».

Свою «преданность демократии» Директория проявила по словам также и тем, что, *«сразу была введена беспощадная цензура для прессы, запрещены съезды и собрания, – словом, населению не было позволено даже свободно вздохнуть и почувствовать хотя бы какую-нибудь разницу между гетманщиной и Директорией».*

Внешняя политика Директории характеризовалась пресмыкательством перед Антантой и другими странами, которым новая власть предлагала по дешевке «неньку-Украину». Винниченко пишет: *«Еще организуя восстание, мы вступили в неофициальные сношения с представителями Антанты и Румынии, и последние горячо нас поддерживали и обещали помочь против гетманщины и немцев».*

Уже после того, как в феврале 1919 года ее выгнали из Киева, Директория издала следующую ноту: *«Правительство Украинской республики в лице Директории, получив отзыв от Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки... счастливо тем, что может вступить в соглашение с представителями Антанты и Соединенных Штатов Северной Америки в деле помощи Украине для отпора натиска русского большевизма, пресечения большевизма на украинской территории, появившегося под влиянием русского большевизма, и общей борьбы с другими державами против большевизма до победы».*

Далее Директория объявляла: *«Мы вручаем Антанте и Соединенным Штатам защиту нашего законного права на весь флот Черного моря».* В ноте было также сказано: *«Мы уверены, что наши высокие союзники помогут нам как в техническом отношении, так и в деле укрепления нашей валюты на мировом рынке... Пользуясь случаем, обращаемся к французскому народу и иным народам держав Антанты с призывом помочь нам в деле окончательного освобождения нашей украинской нации и строительства украинской государственности».* Непонятно только, почему «украинская народная власть» в «деле строительства украинской государственности» обращалась не к своему народу, а к французскому и другим? Но с тех пор каждая «самостийная» власть предпочитает «вручать законные права» не собственному народу, а представителям других держав... например, государств НАТО!

Деникин в своих воспоминаниях приводит документ, появившийся уже после ухода Винниченко из украинского правительства. Если бы эта просьба «патриотов» была удовлетворена, Украина превратилась бы фактически в колонию Франции! *«Директория, признавая сделанные ею ошибки, просит французское командование о помощи в борьбе против большевиков. Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться борьба с большевиками».*

Однако и в «прозападных» настроениях Директория не была тверда. Исчерпывающую картину настроений и общей обстановки на рубеже 1918—19 годов дает в своей книге «Украина в огне и буре революции» бывший украинский премьер Исаак Мазепа: *«В правительстве Директории шла борьба между двумя направлениями: одни стояли за соглашение с Антантой, другие – за союз с Москвой. Винниченко был за мир с Советской Россией, но часто колебался и не знал, как поступить. Глава Правительства, Чеховский, твердо стоял за соглашение с Москвой. Большинство эсеровских лидеров, как Грушевский, Шаповал, Любинский и другие, солидаризировались с Винниченко и Чеховским и склонялись больше к союзу с советской Москвой, чем с Антантой».*

Вообще внутренняя ситуация на Украине была неблагоприятна для успешной обороны Украины. Помимо тяжелого положения, в котором находилась армия, среди самих украинских руководящих кругов происходил глубокий процесс разъединения на два лагеря: одного – противобольшевистского и другого, который склонялся к идеологии большевиков. Неудачи

Центральной Рады в предыдущий период революции и расширение симпатий к большевикам среди украинских масс – все это на многих повлияло так, что они считали, что нужно и нам, украинцам, стать на позицию советов, чтобы не разойтись со своим народом. Усилению этих настроений весьма содействовали тогдашние события в Австро-Венгрии и Германии, где создавались правительства с социалистами во главе. Было почти общее мнение, что началась мировая социалистическая революция, и потому и на революцию на Украине смотрели, как на «начальную фазу мировой революции».

Заслуживают особого внимания признание Мазепой «расширения симпатий к большевикам украинских масс» и того, что ряд украинских лидеров «склонялся к большевистской идеологии», а также полное умолчание о «борьбе за национальное освобождение» и о «завоевании москалями» Украины. То есть, о вещах, которые сегодня беспрерывно встречаешь если не в ток-шоу, то в книге, если не в книге, то в школьном учебнике, если не в учебнике, то в речи президента. Ибо это – мифы, сложившиеся потом...

«Злука» была. Государство не состоялось

Сегодня много говорят об одном событии, произошедшем во время правления Директории, – о так называемом «Акте злуки». В 2006 году Виктор Ющенко обратился к «своій нації»: *«22 січня є одним з найвеличніших днів української історії. В цей день, 86 років тому, відбулося прийняття Акту злуки Української Народної Республіки та Західноукраїнської Народної Республіки. Розділений кордонами чужих держав, наш народ не тільки вистояв, а й відродився, воз'єднався в єдине ціле... Акт злуки продемонстрував стирання штучних меж, накреслених чужими імперіями, став вагомим кроком до утвердження України на політичній карті Європи»*.

Что же это была за акция, которая, по словам сегодняшних историков, «навечно закарбувалася в історії України величним національним святом», и почему этой дате придается сегодня такое внимание? Раньше ее или не вспоминали вообще, или – в контексте очень нелестном, а именно, как свидетельство многовековых свар и дрязг украинцев, их неумения договариваться. Хотя из современных учебников истории складывается впечатление, что, кроме УНР и ЗУНР, никаких иных республик в Украине не существовало, – в действительности, как известно, все было иначе.

«Акт злуки» был провозглашен на так называемом «Всеукраинском конгрессе трудового народа» 22 января 1919 года. Правда, к этому времени уже почти вся Украина была под властью харьковского советского правительства, а украинские советские части, во главе с Таращанской и Богунской дивизиями, подходили к Киеву. Но несмотря на это Директория провозгласила именно свой конгресс «выразителем воли украинского народа».

Тогда партии не смогли договориться даже о составе президиума конгресса. В результате президиум почти полностью составили делегаты-галичане, а возглавил его галичанин С. Витик. *«В напряженной обстановке происходили заседания конгресса в городском театре, битком набитом публикой, в солдатских шинелях и, конечно, при оружии. У многих на поясах бомбы. Публика бурно реагировала на выступления ораторов, начиная от «Слава!» и кончая свистом и матерной руганью... Волны махорочного дыма, шум, угрозы, одобрение... А издали доносится канонада – к Киеву подходят большевики. Генерал Греков сообщает конгрессу, что они уже в Семиполках»*, – так описывал заседание конгресса один из его участников.

Но все же конгресс вынес решение о слиянии Украинской Народной республики с Западно-Украинской Народной республикой в одно государство – «Соборную Украину», что и было оглашено на Софийской площади, под канонаду из-за Днепра... и при полном равнодушии жителей столицы к этому «историческому акту». К моменту слияния правительства обоих сливающихся государств уже готовились к бегству: киевское – на Запад; западноукраинское – на Восток. Вскоре они и встретились в районе бывшей русско-австрийской границы. Как отдельные правительства с отдельными армиями...

Но провозглашение «Акта злуки» 22 января 1919 года было лишь завершающим аккордом. Главное происходило «под ковром», во время многочисленных переговоров руководства страны с западными представителями.

Несмотря на то, что в знаменитых «14 пунктах Вильсона» Соединенные Штаты провозгласили одной из целей своей европейской политики сохранение многонациональной Австро-Венгерской империи, в октябре 1918 года президент США потребовал признания независимости народов последней. Открылась возможность к провозглашению независимости западноукраинских земель. 18 октября 1918 года во Львове члены Украинской Парламентской репрезентации (украинцы – депутаты имперского парламента, а также галицкого и буковинского сеймов), при участии отцов греко-католической церкви, создали «конститу-

анту українських земель Австро-Угорщини» – Украинскую Национальную Раду из 56 человек, во главе с Евгением Петрушевичем. Большинство, за исключением социал-демократов, выступало за провозглашение западноукраинских земель коронным краем в составе Австро-Венгрии. Именно эту идею Петрушевич предложил 19 октября участникам собрания. Но социал-демократ Николай Ганкевич предложил другой вариант – «злуку» с Надднепрянской Украиной.

Сам договор между ЗУНР и УНР «об имеющем состояться слиянии обеих украинских держав в одну государственную единицу» был подписан 1 декабря 1918 года в Фастове под Киевом. Кстати, в этом документе есть очень примечательный пункт: *«Западно-Украинская Народная республика, ввиду созданных историческими обстоятельствами, особыми правовыми институциями, а также культурными и социальными отличиями особенностей жизни на своей территории... получает территориальную автономию, границы которой в момент слияния обеих республик определит особая комиссия, решения которой подлежат ратификации. Тогда же будут установлены и детальные условия слияния обеих держав».* То есть, в 1919 году западные украинцы соглашались на создание «соборной Украины» только на условиях своей автономии. В наше время их потомки своих восточноукраинских собратьев лишь за мысли вслух о чем-то подобном объявляли «врагами украинской государственности» и бросали в тюрьмы...

Объединенное лишь на бумаге государство просуществовало недолго. 9 июня 1919 года ЗУНР дала полномочия диктатора Петрушевичу. Но глава Директории Петлюра не признал диктаторских полномочий Петрушевича и создал отдельное министерство по делам ЗУНР, что фактически перечеркнуло право на ее существование, как государственного образования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.